

Валерий Наливайченко

МУТАНТЫ

окаянные 90-е

Валерий Наливайченко
Мутанты. Окаянные 90-е

«Издательские решения»

Наливайченко В.

Мутанты. Окаянные 90-е / В. Наливайченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901704-8

Конец 90-х. В руки бездомного бродяги попадает неразменная сторублёвка.
Покупай что хочешь — всё равно купюра возвратится к хозяину.
Новоявленный нувориш попадает в поле зрения мафии и милиции.
Начинается охота... Принесут ли дьявольские деньги счастье, любовь и удачу?
Мутируют, меняются души людские...

ISBN 978-5-44-901704-8

© Наливайченко В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Семён	6
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мутанты Окаянные 90-е

Валерий Наливайченко

*Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться, чтобы
при этом самому не стать
чудовищем. И если ты долго
смотришь в бездну, то бездна
тоже смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше.

© Валерий Наливайченко, 2017

ISBN 978-5-4490-1704-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Семён

Чернота... Чернота. И, вдруг, ослепляющим взрывом, огонь.

Пузырится, вскипая, краска на старых досках вагончика.

Острые лоскуты пламени лижут стены, обугливая, превращая их в сморщенную чёрную труху, подбираются неотвратимым жаром, и где-то поблизости, да нет – совсем рядом, бьют тревожно, надрывно, невидимые колокола.

Тяжко, глухо, в раздувшуюся, огромным волдырём ожога, голову.

Это – набат.

Это – пожар.

– Пожар! – заорал, задёргался спросонья Семён, путаясь ногами в рваной, облезлой телогрейке.

Вскочил, хотел было кинуться к спасительной двери, но воспалённые, обожжённые реальным до жути видением глаза успели зацепить, рассмотреть едва синеватый морозный узор окна, мягкий лунный свет, вычерчивающий полоску на деревянном полу.

Семён мешком осел на скрипнувшую кровать, пытаюсь успокоить, унять, бешено скачущее сердце. Никакого огня, никакого пожара...

«Опять, опять кошмары... Когда-нибудь допьюсь до ручки, едрёна корень...» – непроизвольно содрогаясь всем телом, уныло подумал он.

В дальнем углу зашевелилось наваленное беспорядочной кучей тряпье, высунулась из-под него взъерошенная голова, хрипло пробормотала:

– Какой ещё пожар? Чудишь, Семён... Ох, господи, и так хреново, а тут ты ещё...

Семён сидел, держа трясущуюся руку на груди, другой утирал холодную, едко пахнущую испарину со лба, соображал...

Какой огонь? Привиделось ему, конечно, не было пожара...

Да и Витёк, кореш верный, бывший инженер дипломированный, вот он – рядом, только руку протяни, как говорится. С ним спокойней, с Витьком-то...

Семён отдышался кое-как, стал с тайной надеждой шарить по грязному столу. Звенел стаканами, столкнул задрезжавшую консервную банку, наконец, нашёл полпачки «Примы», закурил. Долго надсадно кашлял, обдирая горло, но сигарету не бросал.

– Да нет там ничего... – простонал из угла Витёк. – Я уже смотрел.

– Чего это мы пили? – тупо спросил Семён, сдувая пепел с малинового кончика сигареты.

– Самогонку, что ж ещё... Вчера брали у цыган, по пятнашке, забыл?

– Забыл... – уныло признался Семён.

Они помолчали.

За окном, наполовину прикрытым мешковиной, медленной улиткой ползло тусклое утро.

Надо было вставать, думать, как прожить ещё один день. Надо было идти в «экспедицию».

Так Витёк называл их совместные блуждания по городу. От мусорных баков до забега-ловков, от торговых ларьков до тёмных, непрохожих закоулков, где всегда можно было найти пустые бутылки, жестянки из-под напитков, картонные упаковки и старые газеты на макулатуру, цветной металл, съестное, выпивку; да мало ли что, в конце концов, можно найти в большом городе.

На то он и город... Большая свалка, только не ленись.

На официально открытые свалки, кстати, они и соваться не пытались, там свои разборки, пустить-то может и пустят, а вот дальше что? Та же мафия, в своём роде... Кормить ещё кого-то, оно надо? Семён с Витьком свободно бродяжить привыкли, чтоб никто на шее не сидел, и пинками не подгонял...

Когда-то давно, ещё в «той» жизни, были у Витька жена и квартира однокомнатная в «спальном» районе; работал он в проектном НИИ, копил, как многие тогда, то на стенку мебельную, то на телевизор цветной.

В очередях стоял, в кино с женой ходил, по выходным на рыбалку ездил, с водочкой да пашлыками. Словом, жил – не тужил.

Всё рухнуло в одночасье. Вся жизнь его счастливая, налаженная, колесом под крутой откос покатила...

Сначала сократили должность Витька, а потом и весь институт прикрыли. Жена, Ираида, воспитательницей в детском садике работала, зарплата тоже не ахти...

Магазины внезапно опустели, в карманах зашуршали разноцветные продуктовые талоны и, чтобы «отоварить» их, приходилось толкаться в многочасовых очередях.

Работы по специальности сорокалетнему инженеру не находилось, и Витёк приуныл. Но ненадолго...

Провалявшись, месяц, на тахте, одурев, вконец, от ежедневных телевизионных депутатских болтологий, он почесал в затылке и позвал жену на семейный совет. В ответ на, казалось бы, дельное предложение, жена Ираида охнула, укоризненно покачала головой, и лакированным ноготком у виска покрутила.

– Ты, Виктор, вообще, в своём уме? Ты, когда-нибудь, такими делами занимался? Нет, вы посмотрите на него, какой торговец выискался! Госторг отдыхает... Ты на рынок раз в год ходишь, и то по великим праздникам, а тут, видите ли...

Ираида была, конечно, права.

Витёк толкаться в суетливой толчее магазинов страсть, как не любил, а уж на рынке – тем более. Норовил в выходные сорваться с утра пораньше на рыбалку, но, иногда, никакие хитрости не помогали; ещё с вечера Ираида перехватывала инициативу, и утром Витёк плёлся за ней на рынок, сжимая в руках сетки-авоськи для мяса, лука, картофеля, и прочих даров сельского хозяйства. И начинались мучения...

В галдящей сутолоке ему обязательно оттаптывали ноги, иногда он наступал на обронённый кем-то помидор, и потом долго тёр подошву об асфальт, пытаясь счистить с сандалии семечки и грязновато-красный сок.

Летом – задыхался в пахнущей потом, крикливой толпе, зимой – мёрз в очередях, перекладывая всё тяжелевшие сумки из одной руки в другую.

Гудели натруженные от непривычно долгой ходьбы ноги, но больше всего было жаль потерянного зря времени.

Лишь одно примиряло его с этими нудными, обязательными походами.

В мясном павильоне, прямо внутри, стоило только сойти на несколько ступеней вниз, в полуподвальчик, как ты оказывался в рюмочной. Несмотря на грозный Указ, там торговали без опаски, и сто пятьдесят граммов беленькой, вкуче с ломтиком сала, положенного на чёрный хлеб, примиряли Витька с любыми рынками и очередями. Алкоголиком он не был, и благоверная на пятиминутную отлучку мужа смотрела сквозь пальцы, главное, чтобы помощник не взбунтовался.

Жена, как правило, закупала всё сама, самозабвенно при этом торгуясь, да так, что Витёк поневоле смущался, смотрел в сторону, упорно делая вид, что он сам по себе, а кто эта противная баба впереди, он и понятия не имеет...

Да, права была Ираида, права на сто процентов; недаром в голос рыдала, когда Витёк деньги, на «чёрный» день отложенные, из вазы сервантной вытаскивал да на доллары американские менял. Как в воду глядела...

В Турции Витька в первый же день обворовали, обчистили до последнего цента.

Никого в номере не было, когда Витёк вечером душ принять решил, да и замок на два оборота заперт, а, вот, поди ж ты... Обшарили всё, вплоть до потайных карманов, Ираидой нашитых.

Толстый сонный турок, администратор захудалого, окраинного отеля, с ходу объяснился с полицейским, после чего тот убыл с таинственно затуманенным взглядом, а Витьку, с помощью английского и русских бранных слов, настоятельно посоветовал ехать домой, и поскорее всё забыть.

Делать было нечего... Промыкавшись ещё два дня, Витёк, благо обратный билет был приобретён заранее, сел в самолёт, и, вскоре, предстал перед женой Ираидой, виновато косясь куда-то в сторону.

Ираида кричать, скандалить, не стала, брезгливо поджала тонкие губы и ушла на кухню, захлопнув дверь.

Дни поплелись со скоростью престарелой черепахи.

Витёк впал в депрессию, сидел сиднем дома, мучался от безделья, но дворником или сторожем работать не хотел, всё ждал, что на бирже труда предложат ему что-нибудь по специальности.

Куда идти в сорок лет? Не те сейчас времена, не то, что раньше... Да и работать руками он не умел, разве что лампочку ввернуть.

Ираида долго презрительно молчала, затем, неожиданно, затеяла подозрительную возню с документами, развила бешеную деятельность, исчезала с утра, появлялась к вечеру, и, через пару месяцев, ошеломила Витьку новостью. Да ещё какой!

Оказывается, им нужно как можно скорей развестись, они давно уже не пара, любовь прошла, а может, её и вовсе не было; она, Ираида, выезжает на «историческую» родину, в Израиль, уже и очередь подошла, и документы собраны, а ему, Витьку, в обмен на его полное согласие, она, так и быть, оставляет квартиру в единоличное владение, только вещи некоторые продаст, чтоб не совсем уж голой с роднёй зарубежной воссоединиться.

Витёк, даже дар речи потерял, только головой осоловело кивал, соглашаясь...

Через неделю не стало стенки финской, потом цветного телевизора, потом... Словом, когда бывшая ненаглядная ключи от квартиры ему на колени бросила и, погладив прощально по голове, тихонько прикрыла дверь, Витёк сидел на старой раскладушке, тупо уставившись на стопки книг, сложенные в пустом, пыльном углу. На душе лежала увесистая чёрная глыба, не давала вздохнуть...

Э-э, да хрен с ним! Веселись, народ!

Устроившись в ближайший овощной магазин грузчиком, Витёк дико запил, топя в дешёвом вине тоску и обиду. Вот теперь дни понеслись, замельтешили пьяной круговертью...

Летом или осенью..., кажется, осенью, Витька из магазина вышибли, и тут он вовсе пустился во все тяжкие.

Что было потом, Витёк вспоминать не любил; чудилось нечто разрозненное, будто в поломанном сером калейдоскопе, – как он квартиру на старую дачу за городом с доплатой менял, как доплату эту пропивал, как и дачу продал вовсе уж, получилось, за копейки.

Не стало инженера Виктора Ивановича Гуреева.

Витёк появился. Витёк. Бомж и забуддыга.

Правда, паспорт имелся, и прописка в нём даже была, – какое-то село Рытвино, только Витёк там ни разу не появлялся, так как даже своим пропитым умом понимал, – никакого там дома нет, а если и есть, то прописан он в нём уже тридцатый по счёту...

У Семёна же, биография была – короче некуда. Насколько в детскую память, отрывками впечаталось, жили они в дощатом, обмазанном побеленной глиной, бараке, с удобствами во дворе, как раз около железной дороги.

С малолетства привык он к громыхающим за окошками барака составам, к дребезжанию стёкол и грязной посуды на столе.

Были привычны, обыденны громкие, пьяные драки отца с матерью, от которых он, по привычке прятался под продавленную кровать.

Впрочем, отца он помнил смутно; когда Семёну было лет пять, высокий, пропахший табаком и вином, с большими, заскорузлыми от работы руками, отец попал под поезд, когда шёл, пьяный, с ночной смены...

Оставшись одна, с мальцом на руках, мать спилась быстро и бесповоротно, ежедневно приводя в ободранную барачную комнатушку очередных сожителей – собутыльников.

Всё чаще Семён стал убегать из голодного, прокуренного барака, скитался по городу, мечтательно разглядывая заманчивую рекламу магазинов, фантазируя в душе, – вот вырастет он, появится у него много денег и тогда... тогда...

Что будет тогда, Семён никак не мог придумать, облечь в конкретную мысль, и от этого мечта расплывалась лёгким дымком, таяла далеко вверху, там, где сияли – переливались стёкла витрин.

Его ловили, возвращали домой, он сбегал снова и неизвестно, чем бы всё это кончилось, но однажды пришла в барак строгая седая тётка в сопровождении милиционера.

Мать, как всегда, была пьяна. Она мутными, безнадёжными глазами смотрела, как тётка собирает немногочисленные Семёновы вещи в узелок, только рот её страшно кривился, и дрожали руки.

Потом, через неделю, обживая койку в детском доме, Семён узнал, что мать лишили родительских прав.

Что это означало, он понять не мог, но ребята постарше быстро просветили его. Семён не поверил им, не захотел верить, стал жить ежечасным, ежеминутным ожиданием, когда приедет, наконец, мать, и заберёт его отсюда. Пусть пьяная, пусть обратно в барак, но всё-таки домой, к себе...

Прошёл месяц, второй... прошло полгода... Мать не появлялась, и, однажды ночью, глядя на мечущиеся по потолку тени от фар проезжающих автомобилей, Семён, с испугавшей его самого пронзительной ясностью, окончательно уверился в своём одиночестве.

Время текло, появились новые заботы, стали постепенно забываться, стираться из памяти – барак, руки отца, и мать почему-то никогда не снилась ему...

Семён жил в детском доме, переползал кое-как из класса в класс, существуя при этом в своём, придуманном им мире. Он уходил туда, как в некую спасительную отдушину, отключаясь от внешних раздражителей, становясь в такие моменты задумчивым и немногословным.

В мечтах он путешествовал по всему миру, швыряя несчитано деньги, и покупая то мороженое, то дорогую иностранную машину, останавливался в шикарном отеле, ходил в кино на десять сеансов подряд.

А потом... Потом он приезжал к матери и, осыпав её цветами, говорил твёрдо, по-мужски: – «Всё, мама, пить ты больше не будешь». И мать с радостью соглашалась, и они переезжали в новый, просторный дом около моря, и всё было хорошо...

Ближних друзей у Семёна не было, – не то чтобы его сторонились, но недолюбливали, считали кем-то вроде блаженного, себе на уме.

С некоторыми он всё же корешился, с такими же любителями помечтать. Правда, фантазии у них были более приземленные, и, однажды двое из них подбили Семёна на осуществление заветной денежной мечты.

В восьмом классе, сбежав через забор, они разбили витрину и залезли в магазин. Тогда Семён впервые водку попробовал, и колбасу вкусную, «Московскую».

Итог глупой выходки – два года лишения свободы. Отбыл от звонка до звонка, вышел, получил паспорт и понял, что идти ему некуда. Штамп о прописке, в паспорте, был детдомов-

ский, но наведаться туда Семён не захотел, стыдно было, потянуло его к, хоть и почти забытому, но всё же родному дому.

Длинный барак всё так же стоял у железной дороги, только сильнее осел в землю. Посеревшая глина кое-где отвалилась, обнажив набитую крест-накрест дранку.

По протоптанной в чахлой траве тропинке Семён подошёл к бараку, постоял, волнуясь, и шагнул в прохладную, пахнущую плесенью, темноту общего коридора.

В их комнате жили незнакомые люди, а соседи, на расспросы о матери, вразумительного ответа дать так и не смогли. То ли съехала куда-то, то ли померла...

Его никто и не вспомнил, не мудрено, столько лет прошло. Ну и ладно... Семён ушёл в город.

В райисполкоме на него, как на невиданное чудо посмотрели. Какое жильё, паренёк? Ну и что, что детдомовец. Не видишь, что в стране творится? На очередь – поставим, а пока иди на завод какой-нибудь, общагу дадут, и не мелькай тут больше...

Вышел Семён оттуда, как оплётанный. На завод идти не хотелось, в общагу, комнату на десятерых, тем более. Только что от такой избавился...

Стал потихоньку в свободную жизнь вникать; то машины мыл, то фрукты-овощи разгружал, спал, где придётся, ел, что перепало, пока Витька не встретил. Сдружились. Витёк поопытнее был, опекал салагу, работу находил и, что более важно – почти обладал территорией в тридцать домов; её он делил ещё с несколькими ханыгами, остальным путь был заказан.

– Ежели кто в мусорник наш полезет, бей в хлебало сразу! – учил он Семёна. – Да позлей будь, своё охраняешь, не дядино. Не бойся, менты в такие дела не суются, хоть поубиваем друг друга, – воздух только чище станет.

– Ну, ты загнул, – обиделся Семён. – Мы – санитары. Мусор в переработку пускаем.

– Санита-а-ры... – передразнил Витёк. – Мутанты мы. Люди-крысы, род млекопитающих... Не хочется, а что поделать? Вынуждают мутировать, шерстью и когтями обрастать, иначе не выживешь... Но есть и другие – гомо урсус, люди-волки... Их бойся, Сёма, страшные люди... им жизнь человеческая, что копейка, – ничего не стоит.

– Отчего ж это зависит?

– Что?

– Ну... мутация такая...

– От самого человека, Сёма, от души его. Иногда он и сам не знает, хвост у него крысиный вырастет или клыки волчьи...

– Брехня всё это пьяная... про мутантов...

Витёк только головой покачал, усмехнулся грустно.

Вдвоём выживать в южном, миллионном городе было всё таки полегче.

Лето промелькнуло незаметно. Наползла мокрым одеялом осень. Зачастили нудные, холодные дожди, по утрам лужицы подёргивались тонкой, белесой плёнкой льда. Облысели, почернев, деревья. Задули северные, промозглые ветры, хозяйничали в городе, лезли в каждую щель.

– Брр... Холодина, какая! Околеем тут, к чертям собачьим, как цыплята замороженные. Пора на зимние квартиры кочевать, – поёжился как-то утром Витёк, вылезая из картонно-ящичной хибары, которую они с Семёном соорудили в ближайшей от города лесополосе.

Семён обрадовался, подышал на замёрзшие руки. Зимняя квартира... От этих слов повеяло теплом, уютom, представились Семёну – большой каменный дом, раскалённая докрасна печь, и толстое шерстяное одеяло... Всё, однако, оказалось гораздо прозаичней.

В сумерках ускользящего дня, целеустремлённо пройдя по дачному, опустевшему на зиму, посёлку, Витёк уверенно толкнул заскрипевшую калитку. По мягкому настилу из опавших листьев они прошли в угол участка, где в зарослях кустарника Семён с удивлением обнаружил вагончик-бытовку.

С крыши, небольшой коричневой тучкой, шумно вспорхнула стайка воробьёв, мгновенно исчезнув среди деревьев.

– Я здесь уже третий год зимую... – прошептал Витёк, деловито взясь с замком. Тот сердито щёлкнул. Витёк тихонько надавил на дверь плечом, и через пару секунд, в сереющем свете осеннего вечера, Семён разглядел узкую кровать, стол и две табуретки.

– Ну, вот, располагайся! – весело бросил Витёк, ставя в угол большую челночную сумку с пожитками. – Будь как дома... Бог даст, перезимуем, а весной опять на просторы родины!

– А хозяйева где? – Семён, опасливо озираясь, присел на краешек кровати, покачался вверх-вниз. – Не загребли бы...

– А кто его знает! Говорю ж тебе, третью зиму здесь обитаю. Может, померли, а может, на хрен она им нужна, дача эта! Одно название... Да успокойся ты, ну придут... может быть... ну дадут по шее, так что, впервой, что ли? Оботрёмся, да дальше пойдём...

Так рассуждая, Витёк не забывал о деле. Стёр толстый слой пыли с грубо сколоченного стола, выложил торжественно пару банок консервов «Бычки в томате», бутылку мутной самогонки, хлеб, большую круглобокую луковичу.

– Живём, а, Сёмка? – подмигнул он, раскрывая перочинный нож. – Спать будешь на кровати, а мне здесь, у печки привычной.

Пока Семён оглядывался по сторонам, Витёк присел на корточки, разгрёб пыльные, слежавшиеся тряпки, и обнаружила ещё одна кровать, но почему-то без ножек.

– Света тут нет. Да он нам и без надобности. Без него спокойней... И людям интереса меньше. Телевизор нам с тобой ни к чему, а света и от печки хватит. Курить – кури, только окурки в банку кидай, на окошко занавеску пристроим, а стакан ты и так мимо рта не пронесёшь. Главное – дровишек запасти... это мы завтра спроворим, топор под вагончиком лежит...

Витёк растапливал буржуйку, и говорил, говорил... Трещали в печке поленья. Дрожала на стене тень Витька, то съживалась, то разрасталась, занимая часть потолка, и опять уменьшалась в размерах, будто испугавшись чего-то.

Тепло властно растекалось по вагончику, заполняло его нежной истомой, накрыло Семёна не хуже шерстяного одеяла, и, когда Витёк сел устало за стол и потянулся к бутылке, Семён уже крепко спал.

Всё это вспомнилось Семёну, когда он, неуклюже взмахивая руками, ковылял по грязи просёлочной дороги, выходящей на окраину города.

Вчера пригрело ненадёжное весеннее солнышко, но за ночь слегка подморозило вновь, и теперь Семён чертыхался, скользя по налипающей на ботинки, рыжей глинистой слякоти.

Витёк подняться с кровати не смог, болел, вся надежда опохмелиться ложилась, таким образом, на него, Семёна, хотя и ему, честно говоря, не сладко было. Тяжёлая голова раскалывалась от тупой, бьющей в виски, боли, тряслись непослушно руки, муторно было, ох, муторно...

Выйдя к многоэтажным коробкам, Семён привычной дорогой побрёл к ближайшей площадке для мусора. Ходьба немного согрела его, отвлекла от тяжких мыслей, но через час блужданий результат был почти нулевой: пара пустых бутылок, с десятков жестяных, разноцветных банок, тут же примятых ногой до плоского состояния, да целый, лишь разрезанный пополам, вяленый лещ, кем-то заботливо обёрнутый в пергаментную бумагу.

Несколько попыток стрельнуть мелочи у двух забегаловок не удались; час был ранний, народу пробегало мало, у входа маячили такие же, мучимые похмельем, безденежные бедолаги, как и они с Витьком, и Семён, безнадежно сплюнув, пошёл дальше.

У синего продуктового ларька он задержался, постоял немного, переминаясь с ноги на ногу. Иногда здесь перепадала кое-какая нетрудная работа: ящики погрузить-разгрузить, подмести вокруг, мусор выкинуть на помойку.

Чуть потеплело, потянуло смоляным запахом липких, набухших почек. Семён расстегнул пуговицы, запахнул старый бушлат, стоял, курил «Приму».

Завизжала пружина двери, появилась продавщица Зиночка, вылила из помятого ведра грязную воду, покосилась на Семёна, и, ничего не сказав, удалилась обратно. Стукнула глухо дверь, Семён услышал щелчок задвижки, вздохнул. Полный облом!

Что ж делать-то? Был бы с ним Витёк, живо сообразили бы, если не на бутылёк, так хоть на пару флаконов аптечной настойки боярышника. Но Витёк остался там, в полутёмном вагончике, ждёт, надеется на Семёна.

Поспешать надо, как бы он коньки не отбросил. А что, очень даже запросто, бывали случаи... Семёна передёрнуло. Надо искать. И он побрёл дальше, тщательно обходя глянцевые лужи.

Придётся опять к помойкам подаваться; тут поблизости есть одна, надо только через сквер пройти, но это даже к лучшему. По вечерам молодёжь в скверике гуляет, пиво-водку пьёт, иногда и бутылки не бьют, бросают целыми.

Семён, кашляя, с отвращением выбросил окурок и, медленно обшаривая взглядом редкие кусты, пошёл, еле переставляя ноги. Эх, пивка бы, или чего покрепче! Сразу бы организму полегчало...

И, само по себе, представилось: высокий бокал, и пиво в него льётся, фыркает искрящимися пузырьками, шипит оседающей шапкой белоснежной пены. Делаешь несколько жадных быстрых глотков, ощущая горьковатый холодок внутри, и ещё, вроде, совсем ничего не происходит, но самовнушение сделало своё дело, сознание успокаивается, а с ним и весь организм, и уже тянет закурить. Ещё пара глотков – теперь обстоятельнее, растягивая удовольствие, и можно поговорить с кем-нибудь «за жизнь».

Семён мысленно «допил» пиво и, вздохнув, сглотнул тягучую слюну. Почудится же, как будто и впрямь бокал в руке держал.

Мокрые лавочки были пусты. Семён старательно раздвигал ногой голые кусты, нависшие над бордюром, с надеждой осматривая каждый из них. Голова превратилась в тошнотворно пульсирующий нерв, болела всё сильнее и сильнее.

И тут, повернув на нужную ему аллею сквера, Семён встал как вкопанный. На ближайшей к нему скамье стояли, охлаждались две бутылки пива.

«Балтика, тройка...» – наметанным взглядом определил он.

Обладатель сокровища обнаружился рядом, на скамейке. Одетый в длинный, добротный кожаный плащ, мужик, запахнул на шею пушистый мохеровый шарф и пристально посмотрел на Семёна.

«Во даёт! И не жалко ему плаща?» – мелькнуло у Семёна в ноющей голове.

Он, не спеша, словно нехотя, подошёл к ободранной влажной скамейке, неловко присел на краешек, покосился на пиво и втянул в себя воздух. Выдохнул протяжно, с еле слышным стоном, что вместе с целенаправленным взглядом, конечно же, означало тяжкие похмельные муки.

Мужик – это ощущалось сразу – был при деньгах, что ему стоит подлечить несчастного, поделиться спасительной влагой, хотя, с другой стороны взглянуть – нынче не спокойные времена соцзастоя, сейчас каждый сам по себе. Не смог на головы других вскарабкаться, зацепиться за жизнь эту дерьмовую – сдыхай, падла, никто на помощь не кинется.

«Не даст...» – решил, было, Семён, но кожаный плащ неожиданно засуетился, бормоча: – Конечно, конечно... – и полную бутылку взял да и пододвинул к Семёну.

Парень в удачу поверил сразу, торопливо, пока мужик не передумал, поддел зубами крышку, шумно глотнул... и уже не останавливался, пока последняя капля не скатилась на язык.

Опустевшую тару Семён отдавать не стал, положил бережно в кулёк, с симпатией взглянул на мужика.

Сосед неторопливо доцедил пиво, поставил бутылку на скамейку, и снова пристально оглядел Семёна.

Тому стало не по себе.

Очень нехороший был взгляд.

Неприятно оценивающий и в то же время – злорадный.

Повеяло от мужика еле угадывающейся опасностью, что-то тяжёлое, безумное, затаилось в глубине его тёмных глаз – такие глаза видел Семён у медведя в передвижном цирке-шапито; сильный зверь сидел в углу, устало опершись о стену фургона, смотрел прямо перед собой, но явно не видел ни клетку, ни тыкающих в него пальцами людей. Понимал, что не сломать ему запоров, не бродить, вырвавшись, на свободе, и впереди – пустота, и хочется завывать, зареветь страшно от бессилия покончить с этим растительным существованием.

Озадаченный Семён собрался, было, встать, – хрен с ней, со второй бутылкой, но злорадная тяжесть в глазах сменилась неожиданным участием, и мужик широко улыбнулся, обнажив ровный ряд золотых зубов.

– Плохо живётся, брат? – с утвердительной интонацией спросил он.

– Да уж, не весело... – невпопад ответил Семён, прислушиваясь к себе. Холодная «Балтика» потихоньку справлялась со своей задачей, согревалась в желудке, но голова ещё болела и озноб бил Семёна по-прежнему.

– Нельзя пивом похмеляться... – помолчав, сказал сосед. – Только горечь во рту... Тем более, сейчас, весной – оно всё из порошка. Конечно, если больше нечего – можно и пиво. Но, по-моему, сто пятьдесят накатил и порядок полный...

– А где ж их взять, сто пятьдесят? – поддержал разговор Семён.

– Могу помочь... Хочешь, весело будет? Легко и весело! Всегда! Прямо с сегодняшнего дня! – с неожиданным напором спросил золотозубый, впиваясь в Семёна злым и просящим взглядом одновременно. – Только скажи – хочу! Ну! Только скажи!

«Сектант!» – испугался Семён. – «Сектант или сумасшедший... Вот влип!»

– Говори! – не ослаблял напора мужик. – Говори, хочу! Давай!

Он почти навалился на Семёна, схватил его цепкими пальцами за рукав, больно прищемив кожу на руке.

И Семён не выдержал. Разозлился Семён. На похмелье, на мужика сумасшедшего, на утро это дурацкое, на жизнь свою никчёмную...

– Хочу! – заорал он, выдёргивая рукав из сильной руки кожаного. – Хочу! Чтоб легко, чтоб весело, чтоб деньги, бабы и... и...

На этом фантазия Семёна иссякла. Он ошеломлённо уставился на привязчивого незнакомца.

Мужик хохотал. Хохотал во всё горло, запрокинув голову, елозя задом по скамейке, не жалея дорогого плаща.

– Ну, чего привязался?! – крикнул Семён, вскакивая на ноги. – Доволен? Хочу, много чего хочу! – и осёкся.

– Помолчи! Ты захотел. Значит будет. Всё будет, – твёрдо отчеканил мужик и оглянулся вокруг.

– Сейчас я тебе одну вещь подарю, а что к чему – ты и сам разберёшься, не маленький... Присаживайся.

– Какую ещё вещь... – начал Семён, опускаясь на лавку, но сосед уже протягивал ему вытасченную неведомо откуда сторублёвку, при этом крепко зажав её до половины в руке.

– Бери! – подтолкнул он, и Семён безропотно взялся за краешек банкноты.

– Дарю! Тебе! Навсегда! – отдельно, с паузами, проговорил «сумасшедший» и оттолкнулся от Семёна.

«Навсегда... навсегда...» – прошелестело где-то сзади. Семён оглянулся.

Узкая аллея была пуста. Порыв ветра взметнул, кружа, прошлогоднюю листву, выдернул из кустов порванный белый кулёк с надписью иностранной на сморщенном боку, погнал его по скользкому асфальту, пока он не прилип к дереву, где и повис, трепеща краями, похожий на старую ободранную афишу.

«Что за ерунда! – удивился Семён, – из-за сотки такой концерт устроить...»

Он повернулся и удивлённо уставился на пустую пивную бутылку, сиротливо стынущую на мокрой скамье.

Золотозубый сосед исчез. Только вдалеке, в глубине уходящей аллеи, промелькнула на секунду торопливая фигура в плаще и тут же скрылась за деревьями.

Прорезался внезапно птичий гомон; окончательно разобравшись с тучами, засверкало яркое по-весеннему солнце, голуби слетелись к скамейке, прохаживались озабоченно возле ног Семёна, сердито гуркали, требуя крошек.

Семён пожал плечами и посмотрел на сторублёвку.

– Деньги как деньги... – пробормотал он, осматривая купюру со всех сторон. – Дарю... Навсегда... Тоже мне. Обыкновенная сотка!

Только вот, нижний левый уголок чуть запачкан чернилами или чёрной тушью, а так всё чин-чинарём.

Непонятно, чего он взбеленился, мужик этот? Явно больной на голову, мало ему столик бедняге подкинуть, надо ещё из этого целое представление соорудить. Артист-белогорячник... Да ладно, спасибо и за это!

Семён быстро сунул оставшуюся бутылку в кулёк, сотенную в карман бушлата и, слегка ссутулившись, зашагал по аллее. Мужика этого, кожаного, он из головы выкинул моментально. Мало ли идиотов на свете? Обо всех помнить – памяти не хватит... Главное – бабки в кармане, до ларька рукой подать, а значит спасение его и Витька очень даже близко.

Подходя к Зинкиному ларьку, Семён удивился внезапной перемене, произошедшей с ним. Неожиданно прошла боль в голове, перестал бить озноб и похмелья как не бывало... Давно он не чувствовал себя так хорошо, будто заново на свет белый родился, словно вынули из него стержень заржавленный, кислотой изъеденный, и вставили другой, новый, сверкающий никелировкой...

«Надо же, быстро пиво помогло!» – радостно подумал Семён, стуча согнутым пальцем в заветное окошко. Продавщица открыла, уставилась на Семёна.

– Ну, чего тебе?

– Зиночка, пару флаконов и вот – бутылки прими... – засуетился Семён, выставляя тару на маленький, затёртый локтями, прилавок.

– Деньги давай, – равнодушно сказала Зиночка и сгребла бутылки куда-то вглубь ларька.

– Да как скажешь, Зинуля, – пропел Семён. – И хлеба булку прихвати...

– Пакет давай. Чего это ты весёлый такой?

– А что нам, мужикам? Пить-гулять будем, вот и весело!

– Да уж, пить-гулять, ума не занимать! – почему-то рассердилась Зиночка и пропихнула звякнувший бутылками кулёк обратно в окошко, в подставленные руки Семёна.

Семён дурашливо поклонился, отошёл от ларька, сунул деньги в карман. Так... Две «палёнки» по тридцатке, булка хлеба, три червонца ещё осталось. Жить можно, вон даже солнышко разулыбалось, рассыпалось щедро веснушками, подсушивая асфальт. Весна...

Решил Семён пройтись по небольшому базарчику, притулившемуся к автобусной остановке. Вместо прилавков – деревянные ящики, а то и просто кусок картона. Оживлённая тор-

говля из рук в руки. Капитализм, понимать надо, верной дорогой идёте господа! Семён прищурился, засмеялся.

Из киоска-прицепа, густо облепленного фотографиями эстрадных звёзд, донеслось хриплое бормотание магнитофона, потом неожиданно грянуло:

– А два кусочка колбаски, у тебя лежали на столе!

Семён привычно пробежал глазами по ряду торговых, медленно пошёл вдоль импровизированных прилавков. Остановился у одного из них.

– Почём огурчики?

Бабка, крест-накрест перевязанная пуховым платком, была похожа на толстого ямщика. Она как раз открывала трёхлитровый баллон с солёными огурцами.

– Трёшка! – зычно гаркнула бабка. Ну, точно – ямщик, только кнута не хватает.

– Пять штук – распорядился Семён и полез в карман. Бабка-ямщик ловко выудила огурцы, смачно облизала пальцы, и стала сворачивать кулёк из газетного листа.

Семён не смотрел на неё. Семён смотрел на деньги, лежавшие на полуоткрытой ладони.

Три замусоленных десятки, а сверху... сверху красовалась сторублёвка, та самая, с запачканным уголком. Парень недоумённо пожал плечами, ничего не понимая, и вдруг – озарило:

«Ошиблась, Зинка! Вместе со сдачей сотку назад сунула. Нормально! Ничего, она и так там, в ларьке своём, бабло имеет, с одной водяры поддельной навару выше крыши, авось не заметит...».

Бабка вернула его в реальность, подёргав за рукав.

– Эй, огурцы-то берёшь?

– А как же! – улыбнулся Семён. Протянул две десятки, получил мелочью сдачу, забрал газетный свёрток.

Зинкина ошибка промелькнула где-то внутри, тихонько заскреблась в душе, но Семён казнить не стал (ещё чего не хватало), а просто решил об этом забыть. Забыть и всё тут. Что же, ему, обратно в ларёк бежать? Нашли дурака...

«Сала куплю... Солёного сальца, с розовыми прожилками, с чесноком!»

Парень сглотнул набежавшую слюну и уже через несколько минут смотрел, как дебелая тётка в пуховике взвешивает только что отрезанный шмат на синих пластмассовых весах...

– Шестьдесят.

– Пойдёт – согласился Семён и с чистой совестью отдал сотенную, получив взамен сало и сорок рублей.

Пересчитал наличность. Вышло около семидесяти, включая мелочь за сданную стеклотару.

– Неплохо! – повеселел Семён. Кулёк заметно потяжелел, но он не менял уставшую руку, держа деньги в крепко зажатом кулаке.

Проходя мимо парфюмерного киоска, решил: «Мыло нужно. Постираемся, что ли, пока совсем не запаршивели».

Мгновение спустя, Семён стоял, тупо моргая глазами, созерцая на ладони смятые купюры, а сверху... сверху снова, как ни в чём не бывало, лежал стольник с чёрным уголком.

Вот тут Семёну по-настоящему стало жарко. Он вытер вспотевший лоб и машинально оглянулся по сторонам, вжав голову в плечи. Но нет, никто не торопился хватать его за воротник, никто не звал милицию. Семён неосознанно пошевелил губами, будто пережёвывая что-то неприятное, горькое.

«А за что в милицию? – поёжился он – я же не ворую. Они сами отдают... сами...»

Что-то происходило, но что именно, он понять не мог. Если это чья-то шутка, то она явно затянулась, пора давать занавес. Сейчас подойдут, хлопнут по плечу, скажут со смехом: «Как мы тебя, а?». Но никто не подходил, и единственное, что в данной ситуации твёрдо знал Семён – это то, что он здесь абсолютно не причём...

«Не причём я!» – убеждал себя Семён, входя в ларёк.

«Не причём!» – твердил он в уме, купив два куска земляничного мыла, отдав сотенную, взяв сдачу и выйдя из ларька, нерешительно разжимая руку.

Сотка была на месте. Всего – двести пятьдесят рублей с копейками.

Семён испугался. На непослушных негнущихся ногах, захватывая широко открытым ртом как можно больше воздуха, зашёл за киоски, присел на кучу сваленных кирпичей.

Сердце колотилось так, словно он марафонскую дистанцию пробежал. Мысли устроили в голове чехарду, прыгали одна через другую. Семён впопыхах пошарил по карманам, нашёл примятую пачку, вытащил сигарету, закурил, глубоко вдыхая горьковатый дым и стараясь успокоиться.

«Ошибки быть не может... – заторможено подумал он, – не может... Зинка, сало, мыла два куска. А стольник опять... и опять... Ерунда полнейшая. Да что он, заговоренный, что ли?»

Семён медленно поднял руку и оглядел купюру с обеих сторон. Совсем новая. Сейчас сто рублей – это деньги, недавно нули на ценниках порезали, правительство вертит народом как хочет. Ну да не в этом дело! Вроде всё нормально... С одной стороны – паренёк в коляске, лошадьми правит, с другой – какой-то театр или музей, не разберёшь... Сто рублей... Билет банка России... преследуется по закону... всё честь по чести, и всё же – что-то не то.

И тут Семён мужика припомнил, который ему стольник этот сунул. Да не просто сунул, а вроде как даже подарил. И ещё сказал...

Погоди, что же он сказал? Ага! Сейчас, сказал, подарю я тебе одну вещь, вот что он сказал. А дальше, мол, сам разберёшься... И подарил! Сторублёвку эту... Ничего себе подарочек! Только радоваться такому везению. А он, Семён, придурок этакий, сидит и не радуется, сопли до пола распустил, волнуется за кого-то...

«Чего ж это я, в самом деле? – встрепенулся Семён, – а ещё раз проверить слабо?»

Он выплюнул окурок, зажмурился, будто перед прыжком в холодную воду, открыл глаза, – стольник не исчезал. Трепетал на слабом весеннем ветерке, крепко зажатый между большим и указательным пальцами, рвался из руки, настойчиво требуя действий.

– Ну и проверим! – неизвестно кому пригрозил Семён, и рванул к магазинам.

Через два часа у Семёна было тысяча с чем-то рублей и четыре плотно набитых пакета. Он самозабвенно прочёсывал близлежащие магазины. Деньги сами плыли в руки, и отказываться от них парень не собирался.

Витёк всё так же тихо стонал в углу, когда усталый, но довольный донельзя Семён ввалился в вагончик и принялся опустошать пакеты, выкладывая покупки на грязный стол, предварительно смахнув с него вчерашние объедки.

Сначала Витёк только водку углядел. Полусогнувшись, добрался до табурета, угнездился на нём, свинтил дрожащей рукой крышку, налил полстакана, опрокинул в заросший недельной щетиной рот.

Посидел, зажмурившись, покачался из стороны в сторону, выдохнул, налил снова, уже поменьше, выпил и прояснившимися глазами стал закуску искать. И тут, как говорится, впал Витёк в полную прострацию.

– Ущипните меня... – пробормотал он, обшаривая восхищённым взглядом ломившийся от продуктов стол.

Ай да Семён, было на что посмотреть!

Сало, колбаса, картошка вареная, укропчиком облепленная, консервы разнообразные, огурцы и капуста солёные, сыр двух сортов, сметана, масло, икра кабачковая, булка хлеба и батон нарезной...

Семён, тем временем, весело насвистывая, вывалил два пакета на свою кровать и теперь стоял, курил дорогую, с длинным фильтром, сигарету, явно над обомлевшим Витьком посмеиваясь.

Витёк голову почесал. Встал неуверенно, облокотился на спинку кровати, смотрел, почти не дыша.

Мыло, бритвенный прибор, лезвия к нему, носки, швейные иглы, почтовые конверты, салфетки, прищепки, зубочистки, щётка и крем для обуви, кнопки канцелярские, пакетики жевательной резинки, и ещё куча разных, полезных в хозяйстве вещей, включая даже грелку и детскую соску-пустышку.

– Ты, что, Семён, супермаркет ограбил? – шёпотом поинтересовался Витёк и, взяв с кровати батончик «Сникерса», покрутил его перед глазами.

– Положи на место. У тебя всё равно зубов нет. Я тебе зефиру купил, розового. Пойдёт, под водку-то? – засмеявшись, ответил Семён и устало потянулся.

– Садись, жуй... – кивнул он на стол. Витёк осторожно отрезал кружок колбасы, понюхал его, положил обратно.

– Да ешь, не волнуйся, всё свежее...

Удивление Витька забавляло Семёна. Он ощущал себя волшебником, подарившим другу неожиданный праздник. Душа пела и веселилась.

Мелькнуло желание помучить ничего не понимавшего кореша, помуржить его, но Семён не поддался искушению. В эту минуту он был великодушен как никогда. Наступил, наконец, час его триумфа и хотелось поделиться распиравшим грудь счастьем, как делятся куском хлеба и глотком воды, пусть и Витёк порадует, пусть хоть на этот вечер сбросит он тяжесть бездомной жизни, как сбросил Семён, и они посидят и обсудят всё достойно, и решат, как быть дальше... Но нет, конечно же, сегодня не получится, дружок заметно уже окосел. Так ничего страшного, будет и завтра день и послезавтра. Теперь спешить некуда. Теперь всё устроится...

Семён присел к столу, сноровисто открыл консервы, порезал сало и хлеб. Налил водку в оба стакана.

– Давай, Витёк! Выпьем за новую жизнь! Скоро она у нас как колобок в масле кататься будет!

– Как сыр... – машинально поправил Витёк.

– Что? – не расслышал Семён. – Сыру хочешь? Так, давай, наяривай, не стесняйся...

Не дожидаясь пока Витёк возьмёт стакан, он жадно выхлестал водку, посидел, склонив голову, будто прислушиваясь к чему-то, положил на кусок хлеба колбасу, сыр, придавил всё это выуженной из баночки шпротиной и, откусив, принялся быстро жевать.

Витёк пожал плечами, водку выпил, бросил в рот кусочек сала.

– Рассказывай! – не выдержал он. – Что за фигня такая?

– Где? – дурашливо оглянулся Семён.

– Да везде! И на столе... и на кровати вон... Родня, что ли, объявилась? Так ты же говорил – детдомовский...

– Да! – веселился Семён. – С детдома! И не скрываю! Насчёт родни ты, конечно, большой промах дал... а впрочем, одного дяденьку я сегодня повстречал. Почти родного...

Он снова налил водки, выпил, с хрустом надкусил солёный огурец.

– Какого это родного? – недоверчиво спросил Витёк.

– А вот такого!

Семён отодвинулся от стола, вытащил из кармана пачку «Парламента», закурил, с удовольствием пуская вверх кольца сизо – голубого дыма.

Витёк прищурился, поковырял жёлтым от курева ногтём клеёнку. Похмелье быстро вытеснялось долгожданным опьянением, и жратва – дай бог каждому, а всё-таки не нра-

вилось это Витьку. Не нравилось поведение Семёна, его бесшабашное веселье, неизвестно откуда добытые продукты, вещи... Вещи! Случайный набор совершенно несовместимых товаров; может и правда, подломал Семён магазинчик какой-нибудь, набил первым попавшимся пакеты, да и был таков? И теперь менты шебуршат, расследование ведут, свидетелей опрашивают, а может, и собаку по горячему следу пустили, и бежит она, вывалив язык прямо к их вагончику, и будет здесь веселуха через минуту – другую... Витёк даже губу закусил, явственно представив, что здесь начнётся.

Семён, вкусно затягиваясь сигаретой, посматривал на задумавшегося Витьку, тянул время, выдерживая театральную долгую паузу. Наконец, затушив окурочек в обрезанной жестяной банке, наклонился к нему и сказал, понизив голос:

– Дядька этот, столярник мне дал. Сто рублей! Вернее не дал даже, а подарил. Бери, говорит, Семён! Ты, Семён, очень мне понравился и потому хочу я тебя счастливым на всю жизнь сделать. На, тебе, говорит, сторублёвку в подарок, и покупай на неё, что твоей душевненьке угодно будет! Усёк, Витюля?

– Ну и тепло... – осоловело помотал тяжёлой головой заметно опьяневший Витёк. – И вот это всё... – он широко обвёл рукой стол и кровать, чуть не упав при этом с табуретки, – это всё ты на столярник купил?

– На столярник, падлой буду!

Семён приобнял Витьку, забормотал ему в ухо:

– Ты же не понимаешь, чудак... Ты дослушай сначала. Сотка эта не простая, а заговоренная... Неразменная... Врубился?

Витёк оттолкнул Семёна.

– Всё ухо заплывало! Заговоренная, конечно... Погоди... Как это – заговоренная?

– Знаешь, я ведь тоже не сразу поверил, – серьёзно сказал Семён. – Думаю, что за ерунда, я столярник продавцам даю, мне сдачу отстёгивают, всё чин-чинарём. Отхожу – на, тебе, и сдача, и столярник – всё на месте. Я опять... и снова он в кармане. А сдача при этом, заметь, всё копится и копится...

Витёк даже отрезвел немного.

– Постой, так ты что же – серьёзно?

– Серьёзней, Витёк, ещё не бывало. Хорошую вещицу подарили, ничего не скажешь... Я, когда фишку просёк, сразу по магазинам да ларькам кинулся, что подешевле искать, разменивать значит, а потом и пошиковать захотелось, харчей нормальных пожрать. А со сдачи, не поверишь, ещё и штуку настриг, могу показать. Ай да столярник – повезло, так повезло...

Бывший инженер помедлил, посоображал, шевелив сросшимися бровями, и неожиданно выдал:

– Возвращается, значит... А давай, проверим!

– Да сколько угодно! Только как? Опять идти неохота, ноги гудят, устал – сил нет...

– А и не надо идти. Мы сейчас тут проверим...

Витёк придерживаясь рукой за стол, поднялся с табуретки, обвёл мутным взглядом небольшое пространство вагончика. Так... Тряпё, сумки, несколько книжек для растопки, поленья, чайник...

– Ты вот что, Семка! Купи у меня чайник. За сотку, сдачи у меня всё равно не имеется.

– С какой стати я чайник покупать буду? – заартачился Семён. – Это вещь наша, общая...

– Да? – с хитрецей обронил Витёк. По всему было видно, что Семёну он не верит и даже придумывает что-то обидное, хлёсткое, дабы эффектно завершить сцену торговли с опозорившимся дружкой.

– Тогда может книгу? Книга – точно моя, личная. Сам нашёл... где, уж не помню. Нука, держи... Прочтёшь да поумнеешь, может.

Семён подхватил, чуть было не упавшую на затоптанный пол, книжку, перелистал. Книг читать он не любил, но Витёк был прав. Вещь его, Витька, личная.

Отчего же не купить, купим – убедим инженера, что и в нашей жизни чудеса случаются...

– Ладно, хрен с тобой, покупаю! – ухмыльнулся он. – Беру за сто!

Пройдя в угол к висевшему на гвозде бушлату, Семён запустил руку в карман и, не глядя, вытащил несколько смятых купюр. Ухватив одну из них, он, улыбаясь во весь рот, подошёл к Витьку.

– Получай деньги!

– Обманули дурака... – пропел Витёк, тщательно складывая сторублёвку вчетверо и пряча в нагрудный кармашек засаленной рубашки.

Семён напрягся. Может и правда, маху дал? Ведь он ни разу сегодня ровно за сто рублей ничего не покупал, только со сдачей. А ну как изменит удача...

Заметив изменившееся лицо Семёна, Витёк наморщил нос и пожал плечами.

– А никто не виноват! – погрозил он пальцем Семёну. – Нечего стольниками разбрасываться...

Семён стоял, держа руки в карманах брюк, холодея от внезапного испуга и тут... тут что-то нежно толкнулось в пальцы сжатые в кулак, зашелестело, улеглось. Выдохнул облегчённо Семён, осторожно вытащил из кармана сторублёвку, разглядел у неё чёрный уголок.

– Вот так! – хрипло произнёс Семён, и нежно держа купюру, развернул её перед Витьком. Обыкновенный стольник, и даже сгибов не осталось, будто и не складывал его Витёк вчетверо, не совал в кармашек.

– Вот так! – хвастливо выкрикнул Семён и, упав на табурет, налил себе водки. Очень уж много сил отняли у него ожидание невозвратимой потери, и ни с чем несравнимая, пронзительная радость оттого, что всё обошлось.

Пытаясь выдавить смешок, Витёк торопливо пошарил в кармашке рубахи, потом в брюках, наконец, оглядел пол вокруг себя.

– Фокус! – упрямо сказал он, тоже присаживаясь за стол.

– Фо-о-кус... – пьяно кривя губы, передразнил его Семён. – Сколько тебе, дураку, втолковывать – неразменный он, мой, и никуда от меня не денется, понятно?

Витёк помотал головой, пытаясь прогнать пьяную пелену, туманившую глаза, пожевал пластинку сыра, покосившись на Семёна. Тот ничего не замечал, черпал из банки кабачковую икру, и был счастлив безмерно.

И тут, неожиданно для самого себя, Витёк поверил в ЭТО, поверил счастью Семёна, поверил окончательно и бесповоротно.

«Ну почему так? Почему не мне? Да что за жизнь такая, сучья... – тоскливо подумал он, – даже Семке, заморышу детдомовскому, и тому повезло! Сидит вон, пьёт, жрёт... Заживё-ё-м... Как же! Знаем мы вас, богатеёв новоявленных...»

Мысли Витька путались, шарахались то в одну, то в другую сторону, но главное направление держали цепко: богатеёв Семка заговоренный стольник зажулил, кровососина, а ему, Витьку, – дулю без масла, и дорога по-прежнему старая – помойки...

Семён будто услышал его мысли, обтёр рукой рот, сказал твёрдо:

– Мы, Витёк, по мусорникам теперь шарить не будем. Хорош! Завтра прошвырнёмся, денжат наменяем. Другая жизнь начнётся... весёлая...

Помолчали.

Каждый о своём думал.

Без слов допили оставшуюся водку.

В вагончике висела темень; Витёк приоткрыл железную дверцу печки-буржуйки, пошуровал внутри загнутой арматуриной, заменявшей им кочергу. Угли вспыхнули малиново, осветив угрюмое лицо Витька.

Семён лежал на продавленной кровати, закинув руки за голову. Хмель лишь слегка кружил его; Семён улыбался.

Было слышно, как Витёк укладывается в своём углу; он долго бормотал что-то себе под нос, потом затих.

– Знаешь, Витёк, – тихо сказал в темноту Семён, – я сегодня в жбане леща нашёл. Вяленого... Хороший лещара! Только после всего... ну, словом, выбросил я его... Хватит объедки жрать. Хватит. Теперь всё хорошо будет... Я знаю.

Ответа он не дождался, полежал ещё немного, слушая привычное потрескивание полевьев, потом, повернувшись лицом к дощатой стене, сразу же заснул.

Семён проснулся, словно от толчка, будто бросили его в холодную воду, резко открыл глаза, сел, опустив ноги на пол.

В вагончике было довольно светло. Пыльная взвесь лениво кружилась в солнечном тоннеле, протянувшемся от окна до некрашенных половиц, тихо оседая, и плавным хороводом поднимаясь вновь.

Странно – ничего не снилось Семёну этой ночью, и голова не болела, и руки не заходились противной мелкой трясушкой, словно не пил он вчера самопальную водку с дружком своим закадычным.

Кстати, а где же дружок?

Семён оглядел небольшую комнату, стол с остатками вчерашнего пира. Сразу бросилось в глаза нечто непонятное, а именно – отсутствие почти всего, купленного вчера Семёном. Лишь пустые стаканы, нарезанное сало, да куски раскиданного по выцветшей клеёнке хлеба.

Холодея от внезапной догадки, он перевёл взгляд в Витькин угол. Не было рюкзака Витька, не было большой челночной сумки, не было пакетов с фотографиями полуголых красавиц, так любовно выбранных Семёном.

Много чего не хватало в вагончике, и у Семёна вдруг даже глаз задёргался – ушёл Витёк, смылся, паскуда... И, наверняка, его, Семёна, заговоренный стольник спёр!

Семён вскочил, быстро обшарил карманы брюк, подбежал к бушлату – пусто... Нет сторублёвки! И на столе нет... И на кровати...

«Так... спокойней, спокойней...» – уговаривал он себя, в спешке зашнуровывая ботинки. – «Судя по поднятой столбом пыли, ушёл Витёк недавно... Подождём, подождём... Никуда он не денется. Ах ты, инженер задрипаный! Просто деньги – ладно, куда ни шло, но ЭТОТ стольник...»

Семён оделся, закурил, принялся вымерять нервными шагами пространство выстуженной за ночь комнаты.

«Нехорошо ты сделал, Витёк... – наливался он злостью, – нехорошо...»

Семён с хрустом сжал кулак и ударил по столу. Стаканы, столкнувшись, жалобно звякнули.

«А я же тебя, падлу, хотел с собой... Чтобы вместе мы... по совести... Ладно... спокойней, спокойней...»

Докурив сигарету до самого фильтра, Семён тщательно растёр окурки ботинком, постоял немного, собираясь с духом, полез нерешительно по карманам.

Во внутреннем кармане, в бушлате... Точно! Через секунду Семён отплясывал гопака, то целуя сторублёвку, то прижимая её к груди.

– Что, Витюля, съел?! – злорадно выкрикнул он, дико тараща глаза. – Ишь ты, ворюга драный! Не проходят со мной номера такие, на-ка, выкуси!

Семён в азарте соорудил кукиш, стал тыкать им в разные стороны, и внезапно остановился, уставившись в немытое стекло окошка.

Представилось Семёну, в самых ярких красках в мозгу вспыхнуло – подходит Витёк к ларьку, важно переговорив с Зинкой, лезет в карман... затем в другой... и тупо моргает выпученными глазищами на ехидно молчащую продавщицу.

Семён, углядев такую приятную для себя композицию, захохотал, согнулся, лупя себя ладонями по коленям, повалился на кровать.

– Вот это да! – давясь от истерического смеха, стонал он, – Витёк разбогател! Заверните весь ларёк, пожалуйста! Ой, не могу... Разжился деньжатами...

Семён посмеялся ещё немного, полежал, успокаиваясь.

«Фу-ух..., насмешил, зараза... Ладно, раз такая картина нарисовалась, значит, так оно и есть. Значит, Витёк скоро сюда примчится – ясен перец! И выходит, теперь ему, Семёну, исчезнуть надо. Разошлись их пути-дорожки, разбежались в разные стороны. Не успокойся на этом Витёк, к гадалке не ходи, не успокойся! Ну и хрен с тобой, инженеришка, я с такой бумажкой заветной и сам не пропаду!»

Семён встал, покидал немногие оставшиеся вещи в свой старый, выдавший виды, чемоданчик, накинул бушлат и выскочил из вагончика.

Дверь нарочно открытой оставил, пускай помёрзнет дружок бывший, мозги свои пропитые проветрит, ему полезно.

Ласковый желток утреннего солнца успел не только растопить осевший за ночь сахаристый иней, но и подсушил немного длинную просёлочную улицу.

Лениво перебрёхивались собаки.

Пушистая кошка, гревшаяся на крыше одной из веранд, проводила Семёна внимательным взглядом суженых глаз. Что-то явно не понравилось ей в этом человеке, прижав уши и зашипев, она белой молнией исчезла между сараями.

Семён шёл быстрым шагом, не обращая внимания на собачий лай, помахивал лёгким чемоданчиком. Дойдя до ближайшего переулка, свернул влево, встал за большой морщинистый ствол, раскинувшего голые ветви, дуба, затаился, прикуривая сигарету.

Ждать пришлось недолго. Из-за дерева хорошо было видно, как прошмыгнул, торопясь, распаренный от бега Витёк, держа в одной руке рюкзак, в другой – сумку свою увесистую.

– Давай, давай... – сплюнул вслед ему Семён. – Надеюсь, больше не увидимся!

Он подхватил чемоданчик и, путая следы, дальними проулками, выбрался в город. Семён твёрдо знал, что он будет делать в этот день. Впервые в его жизни появилась какая-то цель, наполнилось смыслом само его существование. Судьба раскинулась перед ним чистым тетрадным листом, и Семён решил отныне писать на нём сам, без подсказчиков. Набело...

Он готов был использовать шанс, выпавший ему, и пожалуй, впервые в жизни не чувствовал себя одиноким, наконец-то у него появился верный товарищ, который не предаст и не бросит, а наоборот – спасёт, поможет выбраться из ямы, в которой он барахтался последние годы.

И неважно, что это всего лишь листок бумаги с напечатанными на нём цифрами... нет, нет, это нечто другое, необъяснимое, как существо высшего порядка, и надо только суметь сохранить, уберечь его, и тогда будет сотка служить ему долго, пока... да к чему загадывать? Всё должно сложиться как надо, и сложится, будьте уверены...

Так думал Семён, избирая свой путь окончательно и бесповоротно, без оглядки сбрасывая с себя прежние заботы и тревоги, как сбрасывает остатки липкого кокона бабочка, впервые расправляя крылья, и не зная ещё, кто она – прекрасный махаон или бесцветная моль.

День уже прощался с городом, уступая нажитое место тихо ползущим сумеркам, когда еле передвигая уставшие ноги, Семён зашёл в платный туалет одного из рынков.

Первым делом, не обращая внимания на недоумённые взгляды, распечатал кусок вкусно пахнущего индийского мыла, вымыл голову под краником треснувшего умывальника. Тут же,

достав новую, в целлофановой обёртке, расчёску, окончательно привёл мокрые ещё волосы в порядок.

Затем заперся в одной из кабинок и, положив чемоданчик на унитаз, щёлкнул замками. Быстро скинув с себя старье, обтёрся недорогим одеколоном, и стал доставать из чемоданчика сложенные пакеты.

Бельё, носки, чёрная рубашка, джинсы, неяркий свитерок и, наконец – лёгкая серая куртка-штормовка. Ботинки пока оставил свои, высокие, со шнуровкой на голенищах. Ничего, что потёртые, зато удобные, а раз так – ещё послужат.

Экипировавшись подобным образом, Семён отодвинул задвижку, и, подойдя к стене, с интересом посмотрел в длинное мутное зеркало, висевшее над умывальниками.

«Нормально...» – оценил Семён, – «не в театр, на первый случай прохляет»

Все вещи были куплены с лотков на толкучке, стоили недорого, но Семёну было наплевать: Китай или родная Тмутаракань, главное обновки пришлись впору, а брал-то без примерки, на глазок. Правда, не брился давненько, ну да это ничего, дело поправимое...

Так... паспорт во внутреннем кармане куртки, несколько пятидесятирублёвок и уважаемый столик – там же, всё остальное – в чемоданчике. Семён огляделся украдкой, швырнул бушлат и старое тряпье в угол, вышел на свежий воздух.

День пересекал финишную черту. Ярко светились лампы на высоких изогнутых столбах, ощутимо похолодало, и серая пелена постепенно окутывала город, погружая его в мокрую мартовскую ночь.

Семён бесцельно брёл по шумной улице, изредка покупая что-то по мелочи, уже почти привычно отдавал столик и получал сдачу. Купленное барахло он сразу же, невольно озираясь, выбрасывал в ближайшую урну.

Многочисленная говорливая толпа равнодушно обтекала его, торопилась домой, к тапочкам, телевизору, вкусным борщам и котлетам. Порядком продрогший Семён так и подумал: – «Домой торопятся...» А у него, Семёна, дома нет, как нет и тапочек с котлетами. Пока нет...

И в самом деле, пора о ночлеге подумать, да не просто переночевать, а комнатку, какую, хотя бы на первое время...

Гостиницы Семён, поразмыслив, отмёл сразу, как не заслуживающие доверия в личном плане – то же самое общежитие, а отдельный номер брать, – это сколько бабок нужно? Да и будут ли пустовать отдельные номера – вопрос...

Высмотрев газетный киоск, он долго разглядывал лежащие за стеклом какие-то разноцветные бусы, зажигалки, журналы иностранные... Наконец, решился, попросил:

– Мне газетку бы... где про квартиры... снять, сдать...

Сунул сторублёвку. Пожилая киоскёрша недовольно поморщилась.

– Где я на вас сдачи наберусь? Ещё что-нибудь возьми, вот кроссворды есть новые...

Семён послушно взял тоненькую книжечку кроссвордов (которую тут же сунул крутившемуся рядом пацану), газету, деньги, и отошёл от киоска.

Выбрав магазинную витрину посветлее, он зажал чемоданчик между ногами, развернул газетный лист, прочитал заголовок.

Правильная оказалась газета! «Квартирный вопрос». В самую точку. У Семёна этот вопрос сейчас наиглавнейшим был.

Не торопился Семён, читал медленно, вглядываясь в мелкие буквы.

«Продаю... продаю... меняю... куплю... ага, вот, сдам...»

Он сосредоточенно хмурил брови, не замечая, что читает, по старой укоренившейся ещё с детдома привычке, шёпотом, повторяя вслух написанное на бумаге, – так понималось легче.

Сдавалось всё, как назло, не по Семёновым финансам, но парень не отчаивался, упорно дочитал газету почти до самого конца. И всё-таки нашёл, увидел маленькое объявление, втис-

нутое в чёрную рамочку: «Сдаю кварт. Час, Сут., Нед.», что ему на данный момент вполне подходило. Плохо, конечно, что адреса не было, только телефон, но Семён нашёлся быстро.

Выбрав среди спешащих прохожих парня, примерно своего возраста, тронул его за рукав.
– Выручи, братан, набери номерок, я заплачу...

Парень вынул мобильник, шустро набрал газетный номер. Семён взял трубку, услышал протяжное женское: – Да-а... – решительно сказал: – Я по объявлению, квартиру на сутки можно снять?

– Подъезжай, – ответила женщина. – Шишкова, двенадцать, квартира восемь.

– Замётано! – повеселел Семён и, отдав телефон парню, полез, было, за деньгами.

– Не надо... – отмахнулся парень и исчез в толпе.

Семён понятия не имел, где находится улица Шишкова и, вздохнув, подошёл к краю тротуара. Синий «жигулёнок» тормознул сразу же, едва он поднял руку.

– Шишкова, двенадцать, – найдём, шеф? – спросил Семён, приоткрывая дверцу.

– Двести! – быстро ответил пенсионного вида мужичок в линялом, толстой вязки, свитере. По мнению Семёна – чересчур быстро. Семён насторожился.

– Сто пятьдесят, – твёрдо парировал он.

– Садись... – вздохнул пенсионер, и Семён угнездился на кожаном сидении, бережно положив чемоданчик на колени.

Ехали довольно долго; сначала по центру города, потом свернули в сторону окраин, потом ещё и ещё... наконец, машина выбралась к ряду одинаковых, новых по виду, высоких панельных домов.

– Шишкова, – кивнул на дома водитель. – Смотри, где твой...

Через минуту Семён стоял на тротуаре, разглядывая зелёную надпись на жёлтом фасаде дома: «ул. Шишкова д.12»

Пенсионер лихо развернулся, напоследок гуднув клаксоном; всё-таки Семён червонец ему добавил, хоть и кольнуло что-то в груди, не жадность, нет, так... секундное сомнение, небольшая червоточинка...

– Да плевать, довёз и ладно, – пробормотал Семён, поднимаясь на второй этаж. Вот и пузатая восьмёрка на стальной двери. Семён вдавил кнопку звонка. Дверь открылась сразу же, видно его ждали.

Стоявший в дверном проёме черноволосый крепкий парень откровенно обшарил Семёна наглыми глазами и крикнул:

– Аглая! К тебе!

Сам из коридорчика не ушёл, прислушивался к разговору.

Впрочем, разговор короткий был.

Вышедшая в розовом атласном халате, дородная женщина лишних вопросов не задавала, поинтересовалась лишь паспортом и, переписав Семёновы данные в толстую синюю тетрадь, сказала, как отрезала:

– Сутки – штука!

Семён отвернулся, прислонил к шершавой стене чемоданчик, приоткрыл крышку.

Стараясь не обращать внимания на напряжённый взгляд парня, буравивший спину, набрал разными купюрами тысячу рублей. Свой столикки благоразумно в тоненькую пачечку вкладывать не стал, вдруг позже пересчитают, а там – девятьсот...

Тётка, получив деньги, вынесла ключ, показала пальцем на дверь слева и скрылась в недрах квартиры. Парень, однако, уходить не спешил, наблюдал, как Семён ключом орудует и лишь в самую последнюю секунду спросил:

– Может, надо чего?

– Чего? – не понял Семён.

– Девочку с шампанским или просто водяры... – ухмыльнулся парень.

– Нет, спасибо, ничего не надо, – устало отказался Семён, – мне выспаться бы...

– Ага... – покивал парень. – Выспаться – это никогда не помешает. Ну, будет нужда, заходи в любое время.

Он шумно захлопнул дверь, отчего внутри, в квартире, сразу же началась перепалка. Особенно выделялся визгливый голос Аглаи, парень же еле слышно отругивался в ответ.

Семён вошёл в узкую прихожую, включил свет, заглянул в комнату. Кровать, шкаф, телевизор, небольшой столик с мягкими стульями, дверь на маленькую лоджию...

Он разулся, повесил куртку-штормовку на витую железную вешалку, и толкнул дверь справа. Войдя, присел на край ванны, открыл оба крана, стал с интересом наблюдать за льющейся водой. Хорошо...

Хорошо, всё-таки, придти вечером домой, обнять жену, детишек, почитать газетку, телевизор посмотреть.

Семён зажмурился, помотал головой, отгоняя непрошенные мысли, встал, потянулся.

«Рановато мечтать стал, – отругал он себя. – Какая жена? Какие детишки? Сейчас самое жаркое время настаёт, только поворачивайся! Всё продумать надо, обмозговать...»

Семён побрился, полежал, отмокая, в ванне. Фыркая от удовольствия, помылся под душем, потом, в одних трусах, прошёл на кухню. Задёрнув плотные коричневые шторы, он включил свет и достал из чемоданчика ещё днём, наспех, купленные колбасу и хлеб.

«Что-то я сегодня заработался, – с усмешкой подумал он. – Перекусить даже некогда было... И про водку забыл... Странно...»

Семён сидел, облокотившись на стол, курил, стряхивая пепел в стеклянную, круглую пепельницу. Натруженные непрерывной ходьбой ноги гудели как провода под током, есть не хотелось... ничего не хотелось...

В душе почему-то сквозила опустошённость, будто он что-то потерял, нечто родное, важное для него, и искал весь день и не мог найти, и ни беготня суетливая, ни новые впечатления, так и не смогли заглушить, залечить саднящую рану, не смогли вернуть или заменить собой это нечто, утерянное им навсегда.

Вспомнился Витёк; его воровливый, тихий уход, и то, как спешил он назад, к Семёну, запыхавшийся, готовый каяться и извиняться.

Нет, не то... совсем не то... Вовсе не Витёк был причиной странного уныния; что-то другое, обитавшее глубоко в душе, оторвалось и исчезло, и нечем было сейчас заполнить эту стылую гнетущую пустоту. Разве что – деньги..., деньги... Схватиться за них, как за спасательный круг, выплыть, несмотря ни на что, выжить любой ценой, и он выживет, и ещё будет счастлив, будет...

Семён заставил себя подняться, перешёл в комнату, откинул постеленное на кровати фиолетовое покрывало, посмотрел на манящие чистотой простыни, и упал лицом в подушки.

«Надо бы свет выключить...» – эта, вяло пришедшая на ум, мысль, была на сегодня последней.

Семён спал.

Подёрнутая белесым инеем слякоть, отвратительно воняющий гнилью мусорник, съевшиеся голуби, озябшие посиневшие руки дрожат с тошнотворного похмелья, рядом Витёк роется, косит на Семёна злым взглядом, грозит грязным пальцем, и кто-то плачет, как в детстве, горько и взахлёб...

Семён открыл глаза, сглотнул тягучую слюну, приподнялся на локте, оглядывая залитую дневным светом комнату и включённую люстру под потолком. Припомнил вчерашний суматошный день, откинулся на смятые подушки.

– Приснится же такое... – выругался он вполголоса. – Как взаправду, едрёна корень!

Умываясь, продумывал план действий на сегодня.

Собственно, продумывать было нечего. Забежать в парикмахерскую, а потом – покупать, покупать, покупать... Всё равно – что, лишь бы навар шёл, веселил душу.

Семён вскипятил чай, благо заварка нашлась в жестяной коробочке на подоконнике. Поел хлеба с колбасой, запил крепким несладким чифирём.

Собирался недолго. Всех сборов – чемоданчик.

Выйдя на лестничную площадку, обострённо почувствовал – смотрят в глазок.

«Смотрите, смотрите, жалко, что ли?»

Семён хотел показать Аглаиной двери язык, но передумал и, насвистывая, запрыгал вниз по бетонным ступенькам.

Сев в автобус, идущий в центр города, Семён стал высматривать парикмахерскую. Сойти пришлось через три остановки.

Маленький, на два кресла, уютный салончик, ему понравился. Душисто пахло мылом, одеколоном; было так удобно сидеть в чёрном мягком кресле с подлокотниками, смотреть отражаемый в зеркале телевизор.

Мастер, девушка в синем халатике, чуть наклонившись, спросила о чём-то. Семён не слышал, но довольно кивнул.

– Вы покороче стригите! – громко сказал он, боясь, что девушка не услышит из-за включённого на полную громкость телевизора.

Она услышала, улыбнулась, обхватила голову Семёна тёплыми ладонями, повертела, разглядывая, и решительно взяла ножницы.

У Семёна зачесался нос, но выдёргивать руку из-под накидки было неудобно. Он выпятил нижнюю губу, попытался дунуть вверх. Девушка увидела, улыбнулась снова, взяла с прозрачного, из толстого стекла, столика что-то пухово-мягкое, нежно обмахнула ему лицо. Семён, облегчённо вздохнув, стал смотреть телевизор. Тот хоть и стоял чуть наискосок, но в зеркале отражался хорошо.

Шла передача «Милицейский час». Сначала дядька в форме что-то долго и нудно рассказывал, затем показали фотографии.

Семёна будто кипятком ошпарило; не слыша, что бубнит голос за кадром, он неверяще уставился на экран.

Показывали позавчерашнего мужика в кожаном плаще, снятого с разных сторон. Он лежал на спине, раскинув руки, ощерив золотозубый рот. Ещё раз, и ещё... – крупным планом лицо... Он! Точно, он!

«Кто видел, кто знает... кто знает...» – билось в висках, капли холодного, обжигающего пота, потекли за воротник рубашки.

Он не помнил, как расплатился, как схватил с вешалки куртку, как оказался на улице.

– Этот! – шептал Семён, не замечая уворачивающихся прохожих. – Он! Кожаный! Стольник мне отдал, а сам...

«Убили его, конечно, убили, из-за такого да не убить... Только не нашли у него сотку, не нашли... Дальше искать будут. А дальше – кто? Он, Семён, вот кто!» – с ужасом понял парень, не видя, что бредёт через проезжую часть дороги на красный сигнал светофора.

Резкий, пронзительный визг тормозов и трёхэтажный мат встряхнули Семёна. Он заскочил обратно на тротуар и побежал, нелепо размахивая руками и оглядываясь назад.

Паника гнала его, подстёгивала, заставляя мчаться изо всех сил, не разбирая дороги. За каждым домом, в каждом встречном прохожем, чудилась опасность. Она ползла, заполняя пространство позади него, нависала чёрным безумием. Сейчас сомкнёт круг, сожмёт душающие объятия, и явятся они...

Они... Кто? Кто это будет, когда ждать? Конечно, уже следят за ним, выжидают удобный момент... Нет, что значит, конечно... Погоди... погоди... не может быть, никак не может...

Семён снова обрёл способность соображать, постепенно перешёл на быстрый шаг, нырнул, прижимаясь к домам, в переулок.

«Чего ты побежал? Дурак! Кретин! Чего ты выдумал? Чего испугался? Ну, убили мужика, так может случайно, или за другие дела, заморочки у всех свои, а сейчас время такое – за рубль удавят... Даже если ЭТО искали, так, кто видел, что он мне сторублёвку сунул? Да никто! Кто докажет? Нет доказательств. Кто придёт? Никто не придёт, никому он, бродяга, не нужен... Пстой, а Витёк? Он, сука, всё знает, и сотку даже в руках держал! Ну и что? Он-то знает, да его никто не знает! А если, вдруг, и выйдут на Витька... Где Семён? Нет Семёна! Был да весь вышел! Вот так! И нечего панику разводить...»

Мысли Семёна гулко грохотали в голове, словно камни в пустой железной бочке. Заколело в правом боку, стало труднее вдыхать внезапно загустевший воздух.

Семён пошёл помедленнее, горбясь, втянув голову в поднятые плечи. Он перестал оглядываться, но по-прежнему двигался вполоборота, готовый при малейшей опасности снова броситься наутёк.

Вскоре парень заметил, что загнал себя в совсем уж незнакомый район. Семён настоженно присел на краешек деревянной лавочки, стоявшей у одного из подъездов длинного пятиэтажного дома.

Постарался успокоиться, унять предательскую дрожь в ногах. Вдохнул, посчитал до шести, выдохнул. Вдохнул, посчитал, выдохнул. Сидел, соображал...

«У Аглаи меня не найдут. Во всяком случае – пока. То, что стольник искать будут – несомненно. А где его искать, не знают, иначе уже нашли бы, и пику в бок, без всякого базара... В общем, время у меня ещё есть. Срочно надо бабки раскручивать. Потом-то, с деньгами, ищи-свищи по белу свету! А может сразу слинять? Сесть в поезд и рвануть подальше, считать полустанок за полустанком, и выйти неожиданно, там, где понравится... Нет, нельзя, за вокзалами следят наверняка и в поезде его обнаружить легче лёгкого, и к тому же, что он будет делать в чужом, незнакомом городе? Куда пойдёт? Менты ещё привяжутся, прописка не местная, а порядки везде разные... Нет, пока здесь пошерстить придётся, а лыжи смазать всегда успею... Главное – светиться поменьше, и лучше всего найти кого-нибудь, подставного, за кем спрятаться можно... Жаль, Витёк не сгодился... да ладно, всё в моих руках, разберёмся...»

Семён приободрился, покурил, погладил подбежавшего к нему, чёрного, как смола, бродячего щенка, и тихо сказав ему: – Осторожней надо быть, пёсик... Осторожней... – пошёл к ближайшему магазинчику.

Опаска осталась, конечно, по сторонам Семён стал поглядывать осмысленней, с прицелом, чтоб враспloch не застали. Ничего, и не в такие передряги попадал, а ведь целёхонек пока.

Первая задача – денег поднакопить, значит надо стольник в оборот пускать, не стесняться, но и побаиваться тоже следует, по городу болтаясь...

Покупать Семёну нравилось, благо было где, только не ленись. Спасибо дедушке Борису Николаевичу, в стране – капитализм. Товару – навалом, на каждом шагу – магазины, ларьки, базарчики, просто торговцы-одиночки.

Вон, на углу, бабка с ведром семечек сидит, нахохлилась, давай бабуля, сыпь пять стаканов в свёрнутую кульком газету! Ты гляди, как обрадовалась старая, невдомёк ей, что семечки она Семёну просто так отдаёт, да ещё за это и сдачей приплачивает.

Повеселел Семён.

Кондитерский ларёк – двести граммов леденцов и маленькая пачечка вафель, уже в кармане полтинник с мелочью прибавился.

Газетный киоск – две зажигалки, – ещё восемьдесят.

В универсам зайдя, взял Семён полторашку пива (за это ему шестьдесят рубликов отвалили!), вышел на солнечную улицу.

Весна! Хорошо! Играет в груди, одному ему слышный оркестр, в такт музыке Семён шагает, раз-два, раз-два, чемоданчиком помахивает. Позабыл Семён про страхи-ужасы свои недавние...

Завернув в первый же дворик, открутил пробку, сделал несколько жадных глотков. Побарски поморщившись, поставил бутылку под куст (найдутся желающие, подберут), вытер руки новым носовым платком, деловито поспешил дальше.

Пирожное – в урну, семьдесят рублей – в карман. Колода карт – в урну, восемьдесят – в карман. Так... зубная щётка, паста мятная – это пригодится, это в чемоданчик. Заодно, пока он открыт – деньги в него переложить – особенно мелочь, чтоб карманы не оттягивала.

Иногда, получалось просто, без покупок, сторублёвку заветную менять – «Пожалуйста, хоть по полтиннику, очень надо!».

Совал деньги в карманы, отходил, улыбаясь. Знал, что сейчас, через минуту-другую, появится она вновь, зашуршит приятно, потрётся довольно об руку.

Пообедал Семён горячим чебуреком, «Пепси-колой» запил, разбогатев при этом, ещё на четыре десятки.

Умаявшись, присел отдохнуть на невысокий парапет подземного перехода, закурил, стал не спеша за прохожими наблюдать.

Странно – рабочий день в разгаре, а город забит народом. Все куда-то бегут, мобильники у каждого второго, лица озабоченные, ну это понятно, сейчас деньги – главный пункт программы.

На заводе, нынче, пахать не модно, да и что там заработаешь, на заводе этом? Повкальываешь в две смены, пару-тройку суббот прихватишь, в конце месяца мастер наряды закроет, станет табелем трясти. Аванс, две тысячи, брал? Конечно, как же без аванса... Подходный, пенсионный, профсоюзный... В буфете, под запись одалживался? Было дело... У Кольки двойня родилась, на подарок сдавали за тебя? Сдавали... Ну и не мычи, получай червонец в зубы и чеши отсюда. Это – в лучшем случае, если простоев нет.

Червонец... А жизнь дорожает...

Дома жена сидит, нервничает, на бумажке столбиком высчитывает, как этот червонец да её пять штук поделить, чтобы за квартиру, свет, газ, телевизор – заплатить, не забыть про взятый в кредит холодильник, дочке-школьнице обновку справить, на хлеб насущный оставить, да ещё на всякий пожарный случай отложить.

А уж, случаев этих пожарных... То колготки порвутся, то каблук на сапоге сломается, то муженёк, под футбол по телевизору, пивка захочет. А – транспорт, а – сигареты, а к родне сходить... Ещё, кошке, сволочи такой, только «Вискас» подавай, борщ она не жрёт, видите ли. А что поделаться, – всеобщая любимица... Морока!

Семён сидел, насмешливо взирая на сновавший людской муравейник. Нет, у него всё по-другому будет. Он ещё не знал точно – как, но твёрдо решил – по-другому. Красиво будет, богато...

Забудет он свою прежнюю жизнь, как дурной сон забывают – была и сгинула... Забудет сиротство горемычное, ложки-кружки казённые, пьянство да ползанье по помойкам...

Что-то неясное поначалу забрезжило в мыслях, разошлось как занавес театральный в стороны, и увидел Семён чётко, как наяву: бирюзовое спокойное море, невдалеке остров с пальмами, какими их в мультфильмах рисуют, а рядышком – яхта.

Такую красавицу Семён недавно, в толстом журнале, на фотографии видел. Ослепительно белая, двух... нет, роскошная трехпалубная яхта, мечта любого нормального миллионера, и его, Семёна, в том числе.

Семён стоит на мостике... нет, полулежит в кресле раскладном, и чаек кормит, крошит им батон хлеба.

И тут, девушка, вроде той, что в парикмахерской была, только без халатика, в малюсеньком купальнике, подходит, бёдрами покачивая, с подносом. А на подносе... Водка русская... вино сладкое, заграничное... маслины испанские... лимон нарезанный, сахаром обсыпанный, и огурцы солёные, бочковые. Так Семён захотел, чтобы огурцы обязательно были.

И говорит ему та девушка:

– Подвинься, слышишь! Ты чё, парень, заснул, что ли?

Семён очнулся от сладких грёз, непонимающим взглядом посмотрел направо. Толстая тётка, в ярко-жёлтой куртке, тяжело дыша, пихала его в бок бумажным пакетом, повторяя как заезженная старая пластинка:

– Подвинься, слышишь! Заснул, что ли? Подвинься...

Семён встал, смерил тётку презрительным взглядом. Жёлтая тётка, ни на миг не смутившись, принялась осваиваться на отвоёванном пространстве. Два огромных сумаря, пакеты – большие, маленькие, только что в зубах она ничего не держала.

– Деревня... – процедил Семён сквозь зубы. – Закупаться приехала? Сельпо твоё, давно развалилось, а? Самогонщица херова! – почему-то вырвалось у него.

Тётка обомлела, открыла рот, но парня уже не было рядом.

Семён шёл, злясь на тётку, но ещё больше на самого себя.

«Да... припечатал, так припечатал. Вот идиот же... причём здесь самогонка? – мысленно спросил он, и мысленно же себе ответил: – Нет, правильно! Все они там, в селе... Парники, теплицы, цветочки-помидорчики, самогонкой мужиков спаивают... Деньги – дурные, валом прут, потом приезжает такая вот... тётя, и начинает в бок пихать. Ты смотри... Подвинься! Скажи спасибо, что народу вокруг много было, а то б я так тебе подвинулся, места не хватило бы...»

Тут Семён сбился с шага, провёл рукой по лицу.

«Что это я, в самом деле? Чего взбеленился? Ну, приехала тётка в город, значит надо родню одеть, обуть. Соседи, небось, списочек подкинули, того-сего, и всё за один день купить надо, успеть до последней электрички. Наверняка, к тому же – в каком-нибудь совхозе всю жизнь отпахала, руки красные, натруженные»

Стыдно Семёну стало, но не возвращаться же, мол, извини тётенька, нескладно вышло... Покачал он головой, рукой махнул – ладно, проехали. Нервишки подводят, и не мудрено, столько на него за последние дни навалилось.

У зоомагазина Семён остановился надолго. Даже рот приоткрыл, до того интересно стало – никогда такого не видел. Прямо в витрине – аквариумы большие. Рыбки в них плавают – загляденье! И синие, и красные, и разных других расцветок.

На самом верху, лягушонка к стеклу прилепилась. Махонькая. Сама жёлтая, как лимон, а глаза – изумрудно-зелёные. Красивая, стерва, что и говорить. Купить с десяток, запустить в ванну... ну и рыбок тоже, видно друг друга не обижают, мирно уживаются...

Семён засмеялся. Ерунда несусветная в голову лезет. Лягушки, рыбки... А всё почему? А потому, что настроение у него поднялось, опять со всем миром в ладах...

Рядом с входом, на складном стульчике, сидел слепой в чёрных очках, держал в крепко сжатом кулаке белый пластмассовый стаканчик, набитый, скатанными в тугие трубочки, бумажками. На руке его, на указательном пальце, кивал головой зелёный волнистый попугайчик, перебирал нетерпеливо озябшими лапками, приглашал желающих о судьбе своей будущей разузнать.

Семён на попугая посмотрел, подумал, зашёл в магазин. Долго задерживаться не стал (даже мохнатая морская свинка его внимания не привлекла), купил маленький пакетик птичьего корма, вышел, сунул его в свободную руку инвалида.

– Возьми, вечером насыплешь ему, кормильцу... – насмешливо сказал Семён, порывшись в кармане и, кладя металлическую пятёрку на бумажки, вжатые в стаканчик, добавил: – А ну, птичка, погадай, что меня ждёт-то...

Попугай покосил глазом на монету, осторожно прикусив клювом, поднял. Слепой молниеносно сунул пакетик в карман, вырвал у попугая деньги, потёр в пальцах и слегка взмахнул стаканчиком. Попугай взъерошился и, хлопнув крыльями, нехотя вытянул туго свёрнутый рулончик.

Семён отошёл в сторону.

«Посмотрим, – подумал он, – почитаем, что мне на роду написано».

Бережно раскатав папиросную бумагу, Семён с недоумением осмотрел её с обеих сторон. Листок был абсолютно чист.

Надул, попугай чёртов! Бумажка полетела под ноги, Семён шагал, сжав в карманах кулаки. Смеётесь, сволочи? Откуда – чистая бумага? За такие финты, можно и в репу получить! Не стал бы слепой с неподписанными бумажками сидеть, людей обманывать, неприятностей кому охота?

И как молнией ударило Семёна... Нет, не обманула птица, не зря пустую бумажку вытянула, видно самому ему придётся судьбу свою рисовать... И он нарисует, будьте спокойны! Так нарисует, мало не покажется...

Ты смотри, бабулька стоит, ладошку тянет. Помочь, что ли, кинуть мелочи, от него не убудет...

Семён полез, было, в карман, но достал почему-то сигареты, закурил.

«А чего это я деньгами разбрасываться должен? – мелькнуло в голове, – сам – детдомовский, ни отца, ни матери, ни кума, ни свата. И денжат никто не отваливал за просто так. У бабки, наверняка, дети взрослые, и квартирка какая-никакая имеется. Пенсия опять же... А тут, мотайся по городу, как дворняга последняя...».

Он твёрдо встретил просящий взгляд бабки, и равнодушно отвернулся. Уже середина дня, надо поднажать, сколько времени зря потеряно!

Было сильно за полночь, когда, закрывшись на оба замка и цепочку, Семён, усевшись на застеленную кровать, раскрыл чемоданчик.

Любовно расправлял мятые купюры, раскладывал их на покрывале фиолетовом. Полтинники в одну стопку, червонцы в другую. Мелочёвку бережно пересчитал, ссыпал в целлофановый кулёк. Увесистая получилась колбаска.

Всего вышло у Семёна, помимо затрат необходимых, восемь тысяч сто два рубля и шестьдесят копеек. И это – не считая сегодняшней тысячи, Аглае сунутой. Неплохой улов, можно ноги бить.

Жалко, конечно, дороговато ему хата обходится. Завтра же надо на рынок идти, флигелёк, какой-нибудь, неприметный, снять, подальше от глаз любопытных.

Парень давешний, Аглаин, опять с ног до головы взглядом обшаривал, а глаза цепкие, подозрительные... В гости набивался; давай, говорит, дербалызнем с устатку... Какие гости – час ночи. Еле отвязался от него Семён, ещё не хватало чужому чего с пьяных глаз ляпнуть...

Семён медленно прошёл в ванную, налил в эмалированный таз холодной воды, притащил в комнату, сел к подоконнику, опустил во влажную прохладу уставшие, взбухшие синими венами, ноги.

Телевизор включать не стал, не привык к нему; просто сидел, смотрел, прищурившись, сквозь стекло на соседние дома, на разноцветные прямоугольники далёких окон, на плывущую в чёрных разводах ночного неба, круглую как глаз попугая, луну.

Вспомнив о пустом предсказании, Семён зябко передёрнул плечами.

«Полнолуние...» – уныло подумал он.

Где-то читал или слышал Семён, что в полнолуние, когда луна на небе эдаким начищенным пятакom сияет, разная нечисть пробуждается и творит, что хочет.

– Ерунда это всё... – прошептал Семён, но глаз с лунного диска не сводил, словно замороженный серебристо-белым светом. Было немного не по себе, крадучись, вползало в душу беспокойство.

За спиной скрипнуло, лёгкое дуновение воздуха коснулось Семёна, будто прошёл кто-то. Он мгновенно обернулся. Никого...

Расплескав воду в тазу, парень на цыпочках прокрался к выключателю, щёлкнул клавишей и беззвучно шагнул в угол.

Отсюда, из тёмного угла, комната освещённая луной, была как на ладони. Семён вжался в стену, испуганно ожидая появления... появления кого?

«Дверь закрыта... Два замка и цепочка... Всё равно, умельцу – раз плюнуть. А цепочку – кусачками... – лихорадочно думал он, ощупывая карманы брюк. – Эх, и ничего мало-мальски тяжёлого под рукой... Стоят, выжидают... Ну, давайте, не тяните... Твари!»

Семён заорал что было сил, ударил по выключателю, выскочил из угла, готовый вцепиться в горло любому... любому, кто...

Свет мгновенно залил комнату. Семёна било нервной дрожью. Никого не было. Ни души. Ни в комнате, ни в коридоре.

Семён осторожно, боком, заглянул на кухню. Тоже пусто. Проверил взглядом замки и цепочку – вроде всё цело...

Словно сдувшийся воздушный шарик, Семён съехал спиной по обоям, опустился на пол, накрыл руками голову. В горле пересохло, захотелось пить.

«А сортир?» – гулко стукнуло сердце. Он кинулся на кухню, выхватил из ящика столовый нож.

«Не трусь! Кто бы там ни был... давай!» – уговаривал он себя, долго не решаясь открыть дверь ванной. От нервного напряжения кулак с зажатым ножом свело судорогой. Наконец, Семён не выдержал, саданул в дверь ногой, распахнув её.

– Выходи! – крикнул он. – Выходи, сволочь!

Резкий звонок молотом ударил по голове. Семён развернулся, выставил руку с ножом вперёд, тупо уставившись на входную дверь.

Снова звонок... И ещё...

Семён скользнул к двери и осторожно приник к глазку.

– Кто... кто там? – сипло пробасил он и откашлялся.

С той стороны на дверь смотрел сосед, парень из Аглаиной квартиры.

– Эй, братишка... – сказал сосед. – У тебя, что, проблемы? Ты зачем людей пугаешь?

Семён облегчённо выдохнул, повернулся спиной к двери, прижался к ней затылком.

– Да нет, всё нормально... – снова откашлявшись, ответил он. – Никаких проблем... Это я спросонья... Спал я...

– А-а... – протянул парень, буравя тяжёлым взглядом глазок на двери Семёна. – Ну, смотри... мы тут проблем не любим.

Семён не проронил ни слова, и сосед, постояв ещё немного, прислушиваясь к тишине, нехотя ушёл к себе. Глухо щёлкнул замок.

Только сейчас, Семён обнаружил, что он весь мокрый от холодного пота, а рука его по-прежнему сжимает нож.

– А что, и убил бы... – измученно прошептал он, пройдя на кухню, – убил бы и глазом не моргнул...

Семён брезгливо кинул нож на стол, стянул с себя, не расстёгивая, рубашку, стал плескать воду из-под крана в лицо. Тёплая вода сгладила испуг, напряжённая спина расслабилась, вялые движения были замедлены, словно после тяжёлой болезни, стали сами собой закрываться глаза, спать хотелось..., спать...

Семён отдёрнул шторы, с опаской посмотрел на луну.

– Это ты со мной фокус выкинула, сука круглобокая! – пробормотал он.

Луна задумчиво глядела на Семёна. Он выругался и, задёрнув штору, вернулся в комнату.

Спал Семён снова при включённом свете, вернее не спал, а дремал чутко, от малейшего шороха вздрагивая и приоткрывая налитые тяжестью веки. За окном уже начинало заниматься поздним рассветом утро, когда, наконец, Семён обессилено заснул.

Квартирный рынок расположился на небольшой, узкой улице, недалеко от центра города.

Стоял раньше на этом месте трёхэтажный, дореволюционной постройки, дом. Его снесли, образовавшийся пустырь выровняли, закатали асфальтом, обнесли высокой железной изгородью и поставили несколько лавочек.

Каждый день, с раннего утра, происходило тут действие, со стороны не очень понятное неискущённому зрителю.

Толпа народа хаотично перемещалась по зажатой соседними домами площадке, нередко выплёскиваясь на неширокий, в трещинах, тротуарчик, а то и на проезжую часть. Водители ворчали, но притормаживали, – с пониманием относились к людским заботам.

Невыспавшийся за прошедшую нервную ночь Семён, ежеминутно зевая, втиснулся за изгородь.

Минут двадцать он безуспешно бродил, с надеждой читая вывешенные на стенах, а то и просто прищипленные к груди, объявления, – подходящего ничего не было.

Наконец, его вынесло к входу, и Семён решил задержаться тут. Он закурил и, прислонившись к решётке изгороди, стал внимательно высматривать потенциальных хозяев.

Эту старушку, в серо-зелёном выцветшем пальто, Семён заметил одним из первых, но опоздал.

Ещё на подходе к ограде образовалось завихрение, и старушка исчезла из видимого обзора. Семён, бросив сигарету, упрямо протиснулся в эпицентр, твёрдо отжимая плечами любопытствующих. Оказавшись возле старушки, он обнаружил на лицах окружавших её людей некоторое разочарование, но не смутился, подхватил серо-зелёную бабушку под локоть и через минуту разузнал всё, что ему было надо.

Оказывается, сдавала пенсионерка маленький флигель, максимум на двоих, да и находился он не близко. Улица Дегтярная. Она, улица эта, проходила по самой дальней окраине города. Семён и улицу и её окрестности знал очень хорошо.

Как раз там, поблизости, в десяти минутах ходьбы от Дегтярной, раскинулась роща-лесополоса, в которой они с Витьком прошлое лето коротали. В общем – район знакомый...

Это было немного неприятно, но не смертельно; кто из видевших его ранее, сможет узнать в приятном, выбритом и чисто одетом молодом человеке бывшего бомжа-пропойцу? Разве что Витёк...

А где гарантия, что инженер бывший опять на старое место подается? По когда-то сказанным словам Витька, до знакомства с Семёном он столько мест переменял, что и не сосчитать...

Скорее всего, строит Витёк новую халабуду в другом каком-нибудь месте, проклиная собутыльника так некстати исчезнувшего.

Обо всём этом Семён размышлял, трясясь со старушкой в автобусе, провожая взглядом проплывавшие мимо многоэтажные дома, которые вскоре сменились благоустроенными коттеджами, а потом и вовсе небольшими старыми, но ещё крепкими домиками, построенными в основном во времена так называемого застоя.

Бабкин дом оказался угловым; фасадом смотрел на асфальтированную улицу, боковые же окна выходили на зияющую рытвинами, просёлочную дорогу и огромное, заросшее бурьяном поле, за которым растянулась та самая знакомая роща.

Флигель прятался за деревьями в глубине двора и сразу же понравился Семёну. Небольшой, словно игрушечный, чисто побеленный саманный домик вплотную прилегал к соседскому высокому забору.

«Это хорошо... – одобрил в уме Семён, – и роща почти рядом, в случае чего когти рвануть всегда можно, и забор у соседей большой, меньше заглядывать будут»

Сговорились на трёх тысячах в месяц. Семён достал из кармана куртки крупные купюры.

Перед тем как идти на квартирный рынок, он заглянул в сберкассу, где поменял почти всю наличность на тысячные банкноты. Кассирша, вспомнил Семён, очень обрадовалась; приглашала приходиться ещё, мелочи не хватает, обычно наоборот просят – разменять крупные.

Он отдал старушке деньги, показал паспорт. Они прошли во флигель. В маленькой, утеплённой прихожей стояла подержанная плита на две конфорки и газовый баллон.

– За свет и газ – оплата отдельно, – пояснила старушка, отдавая Семёну ключ. Она, вообще, показалась ему немногословной, что было удивительно (обычно, пожилые люди поговаривать, повспоминать очень любят), и что Семёна вполне устраивало: меньше вопросов – меньше вранья...

Лишь напоследок, когда они шли к железным, окрашенным тёмно-зелёной краской, воротам, она спросила, останавливаясь и глядя на Семёна прозрачными голубыми глазами:

– Сам-то, кто будешь?

Семён вопроса такого ожидал, ответ продумал заранее, и сейчас же, с готовностью, откликнулся:

– С геологической партии я, в отпуске. Вот, к другу армейскому приехал, а у него и остановиться негде: жена, ребёнок, то да сё... Сам я в детдоме рос, родни никакой, на собственное жильё ещё не заработал. Вообще-то, уволиться думаю, хочу тут, в родных краях пожить, южных... Походим с другом по городу, может, работу найду хорошую, а то надоело – ни кола, ни двора, перекаати-поле...

Было непонятно, поверила молодому парню старушка или нет; она лишь еле заметно кивнула головой в ответ на его монолог и тут же ушла в дом.

Семён постоял немного, обвёл хозяйским глазом чернеющую клумбу, выложенную битым кирпичом дорожку, деревья, виднеющийся между ними ладный белый домик с коричневой черепичной крышей.

«Что ж, неплохо... – подумал он, – наконец-то хоть какое-то своё жильё...»

Семён отворил калитку, аккуратно прикрыл её за собой на щеколду и, выйдя на улицу, зашагал к остановке. Всё складывалось на редкость удачно, вселяя в него надежду и уверенность в завтрашнем дне.

Закружился хоровод времени. Пролетела, торопясь, весна, вступило в законные права южное жаркое лето.

Каждое утро, невзирая на погоду, Семён выходил из дома и начинал наматывать очередные километры, прочёсывая торговые точки, собирая тайную дань с огромного города. Ещё денег, ещё, ещё...

Из занятой поначалу, хотя и рискованной игры, теперь постепенно это становилось смыслом жизни, определяющей чертой существования, и когда он платил за какую-то вещь, огорчения не испытывал – знал, уверен был, расставаясь с деньгами – скоро они вернутся снова. Никогда он ещё не был так счастлив, и решительно всё удавалось ему...

За три месяца Семён обновил свой скудный гардероб, купил во флигель портативный переносной телевизор, правда, смотрел его редко, в основном новости да передачи спортивные.

Походка его изменилась; он перестал семенить мелкими шагами, взгляд из испуганно – тревожного, постоянно ищущего, превратился в твёрдый, оценивающий.

Никто не тревожил Семёна, не следил за ним, не пытался посягнуть на его единственную ценность – сторублёвку заветную.

Понемногу он успокоился, понимая – все концы обрублены, прошлое как в воду кануло, и случайная смерть золотозубого благодетеля (а в том, что она была именно случайной, Семён теперь уже не сомневался) ничего не изменила в раскладе событий.

И тогда Семён выпрямился окончательно, осмелел, завёл себе даже барсетку вместительную, кожаную.

И самое главное – открыл он в любимой сторублёвке ещё один, поистине неоценимый дар – стал регулярно выигрывать в разнообразные лотереи, видно деньги она к себе как магнитом притягивала.

Выигрывал Семён по-разному – от десяти рублей до двадцати пяти тысяч. Когда проходил мимо ларьков, увешанных лотерейными билетиками, – будто что-то его толкало, останавливало и тянуло к окошку. Из десяти, взятых наобум, лотереек, выигрывали обычно шесть-семь штук.

И совсем не удивился Семён, когда купив два билета «Русского лото», он, включив в воскресное утро телевизор, узнал, что стал обладателем миллиона. Не удивился, принял выигрыш как должное, мимоходом оценил, занёс в актив, и продолжал копить деньги дальше. Впрочем, такие большие выигрыши ему пока ни к чему были и, опасаясь огласки, с лотереями он закончил.

Появились у него две сберкнижки, прятал он их под плиту двухконфорочную.

В деревянной будке туалета, которую Семён собственноручно пенопластом и картоном утеплил, в потайной нише, лежал целлофановый кулёк, набитый купюрами, так, на всякий случай.

Начал было на ипподром похаживать, нравились ему лошади, но после того, как он несколько раз, поставив на безнадёжных аутсайдеров, крупно выиграл, понял – к нему стали присматриваться.

Круг завсегдаев довольно узок, и чтобы дилетант, вот так, раз за разом, результат зараннее знал – не бывает такого везения, значит в сговоре с кем-то из скаковых.

Всё это понял Семён, как говорится, кожей прочувствовал; решил больше не светиться, как фонарь на пустыре, и на скачки ходить перестал.

Ежедневно он появлялся в разных частях города, как на любимой работе.

Постепенно появилась наработанная система, методы приобретения различной мелочёвки и безопасного избавления от неё. Достаточно было лёгкого движения кистью руки, чтобы товар был безнадёжно испорчен, и участь его ожидала простая – ближайшая урна.

Старушка-домовладелица ему не досаждала, да он её и не видел почти, отговорившись однажды напряжённым графиком новой работы и приходя во флигель поздно вечером. Вскоре после вселения заплатил ей сразу за год вперёд и ощущал себя прекрасно.

Мысли его занимало одно – деньги. Что он будет делать с ними дальше, его пока не волновало, Семёну был важен и заманчив сам процесс.

Каждую ночь он подсчитывал доходы, по старой привычке немо шевеля губами, выстраивал неровные столбики цифр на тетрадном листке, затем, вдоволь налюбовавшись написанным, подводил жирную черту и доставал зажигалку. Листок вспыхивал, скручивался, сгорая в оранжевом пламени, но Семён оставался спокоен. Цифры надёжно впечатывались в память, уютно укладывались там, принося с собой видимое удовлетворение, а утром всё повторялось снова, нестерпимое желание овладевало Семёном, заставляло его вновь и вновь обходить торговые точки города.

Женщин Семён сторонился, жил по поговорке: «Не пускай козла в огород, потом не выгоишь», ходил несколько раз к проституткам, тем и доволен остался. Словом, жизнь протекала весело, без особых приключений...

В один из июньских дней, Семён зашёл в сберкасса, положить деньги на счёт.

Стоял в очереди, держал барсетку под мышкой, равнодушно оглядывая прохладный зал. Взгляд скользнул по обшитой железными листами будке с окошком, притулившейся в углу.

«Обмен валюты... – прочитал Семён. – Может, доллары купить? Нет, ну их к чёрту, что я с ними делать буду? За границу уезжать не собираюсь, пока, во всяком случае... Доллары... Какие они из себя, интересно, ни разу не видел»

Свободную руку Семён держал в кармане, и поэтому сразу ощутил знакомый толчок, так сторублёвка ему о себе напоминала. Семён вытащил её из кармана и... не поверил глазам.

В ладони была зажата неизвестная купюра зеленоватого оттенка, но со знакомыми циферками «100».

«Ёлки-палки, неужели доллары?» – изумился Семён, поспешно пряча руку в карман, и осторожно косясь вокруг. Всё спокойно. Никто, вроде, и не удивился, что у парня в дорогих джинсах и яркой рубашке в сеточку, стодолларовая бумажка в кармане обретается.

«Та-а-к, – размышлял Семён, – значит, и в доллары превращаться умеешь... Ай да соточка! Стоит только захотеть... Вот я захотел, и на тебе – столик американский...»

Семён посмотрел на будку. Рискнуть, что ли? Он раздумывал недолго.

Предупредив сзади стоящую женщину, решительно направился в угол.

– Девушка, обменяйте столик, на цветы любимой не хватает, – игриво произнёс Семён, интимно подмигивая в окошко.

Несмотря на весёлый тон, сердце его учащённо забилося, ноги напряглись, готов он был, в случае чего, дать дёру подальше от обменника. Но ничего страшного не произошло.

Девушка, не глядя на Семёна, задвинула лоток, сунула сотку в какой-то прибор, привычно отсчитала деньги и вытолкнула назад.

Он забрал купюры, с минуту постоял возле окошка, хотел сказать ещё что-нибудь весёлое, но девушка взяла со стола книгу, по виду – учебник, уткнулась в неё, и Семёну ничего не оставалось, кроме как отойти от будки.

Снова становясь в очередь, он впихнул руку в карман джинсов, стал, затаив дыхание, ждать привычного шелеста между пальцами.

Толчок! Вот она! Семён выдвинул уголок банкноты из кармана, посмотрел украдкой. Всё правильно, российская сотня – хватит нам пока долларов...

Обрадованный послушным поведением купюры, Семён ласково погладил её в кармане, и почудилось ему, будто в ответ бумажка нежно, словно ласковая пушистая кошка потёрлась об пальцы.

Он заполнил бланк, положил деньги на счёт и, выйдя из сберкассы, на минутку остановился, надевая вытасченные из нагрудного кармашка тёмные очки от солнца.

Как раз этой минуты и хватило двоим мускулистым парням в чёрных майках-безрукавках, чтобы, подойдя к Семёну с двух сторон, стиснуть его, схватить под руки, и быстро, почти бегом, подойдя к машине, стоявшей у тротуара, втолкнуть внутрь салона.

В последнее время ходил Витёк, как камнем пришибленный. Сам не свой, темнее грозой тучи. Не радовали его – ни воля вольная, ни самогонка цыганская...

Часто, на весеннем солнышке в баках мусорных ковыряясь, корил он себя, ругал последними словами.

«Вот кретин! Надо же было додуматься с похмелья: свистнуть у Сёмки столик и, пока он спал, слинять как последняя крыса...»

Сотка-то, и впрямь, заговоренной оказалась, уж как спрятал её Витёк – в ботинок под стельку, а подошёл к ларьку, разулся – нет ни хрена! Исчезла, сволочь!

И сам Сёмка исчез, как ни торопился Витёк назад, надеясь успеть, надеясь, что не проснулся дружок ещё. Проснулся... И исчез... Ушёл Семён.

Затаил, конечно, на него обиду и ушёл. А главное – бабки неразменные так при Сёмке и остались. Это и к гадалке не ходи...

Витёк огорчённо вздыхал, отбрасывал скуренную почти до самых обветренных губ «примину», волок набитые пустыми бутылками и макулатурой сумки, сдавал всё это в приёмные пункты. На вырученные деньги набирал хлеба, самогонки, вечером надирался до чёртиков в новой, сооружённой им из кусков фанеры и упаковочного картона, хибаре. Утром, зелёный с перепоя, опохмелялся, чем было, что с вечера оставалось... и всё начиналось сначала...

Через месяц, Витёк винить и ругать себя перестал. Надоело. Какого чёрта? Семён, сволочь, подождать, что ли, немного не мог? Нет, сорвался сразу, обиделся... Подумаешь, господин, какой... Пошутил он, Витёк, это и ежу понятно; просто проверить решил, правду Сёмка говорит или так, по пьяному делу болтает... Вот и взял столыжник, хотел до ларька сбегать, заодно уж и Семёна опохмелькой обрадовать.

И что в итоге? Этот скот умотал неизвестно куда, бросил кореша на произвол судьбы... Сёмка – при деньгах, а ты, Витёк – подыхай, значит... Гад ты Семён, гад ты ползучий!

Витёк выпил стакан мутного самогона, обтёрся засаленным рукавом, занюхал разрезанной луковицей.

– Найду я тебя, Сёмка! – угрюмо сказал он, швыряя щепки в маленький костерок, разведённый в роще, возле хибары-временки. – Найду и башку сверну... Посмеёшься тогда, урод трепливый. Заживё-ё-м! – мотая давно не стриженной головой, передразнил он Семёна.

– Ты-то, небось, живёшь припеваючи, а я? Бросил, козёл, избавился, как от нахлебника ненужного... Только хреновато получается: что ж ты раньше молчал, когда я тебя в свою компанию принял, научил всему, хлебом-водкой поделился? Ты же, Сёмка, как слепой щенок был, выбросили на улицу, а Витёк подобрал, накормил, в люди вывел... Как же... Витёк – он добрый... Приходи, пользуйся! Вот об этом ты почему-то не вспомнил, когда манатки свои сворачивал. Не будешь ты, стервец, жить спокойно, помяни моё слово... Найду я тебя, Сёмка, гадам буду, найду!

Затаив глухое чувство мести, начал Витёк не только по ближайшим мусорникам побираться, но и по району бродить. Стал в лица прохожих осторожно, исподлобья, вглядываться.

Постепенно расширяя круг поисков, забредал он всё ближе и ближе к центру города. Несколько раз гнали его оттуда менты, однажды чуть от конкурентов, таких же бомжей, не досталось. Еле отбрехался от них Витёк, сумку пустую показал, а то было б на орехи.

День за днём тянулся, болели ноги, в глазах рябило от множества лиц, но не было Семёна, как в воду канул...

Вечерами, лёжа в хибаре, думал Витёк, размышлял остатками трезвого ума.

«Иголку в стоге сена ищу... Может, куда подался Семён из этих краёв? Нет, не должен. Денег у него, почитай, кроме сторублёвки не было... Здесь он где-то, сволочь, меняет сотку, бабки копит. Как соберёт денег побольше, так и рванёт. А вот куда? А куда – неизвестно... то ли на север, то ли к морю Чёрному... Спешить надо, шевелиться скорее, найти Семёна, пса драного...»

Он сжимал кулаки, ждал с нетерпением рассвета, и утром, снова выбирался на улицы города, снова смотрел во все глаза, цепляя взглядом мало-мальски схожие с Семёном лица.

Исхудал Витёк, оборвался до крайности; некоторых взгляд его пронзительный пугал; ему стали подавать на ходу, торопливо совали в грязную руку мелочь. Витёк кланялся, бормотал что-то неразборчиво и упрямо шёл дальше, не сводя воспалённых глаз с проходящих мимо людей.

И совсем, было, отчаялся Витёк, обессилел от ежедневных блужданий, когда, отдыхая на картонке в холодке воняющей кошками подворотни, вдруг увидел знакомое лицо.

Без бородки и усов, казался Семён моложе своих лет, да и походка стала другая – важная, решительная. И всё же это был он. Он, без всяких сомнений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.